

Смеющийся
Ветер

笑
的
风

Ван Мэн

Ван Мэн

Смеющийся ветер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74633626

Смеющийся ветер: Москва; 2026

ISBN 978-5-907853-42-3

Аннотация

В новом романе выдающегося мастера прозы описана история любви, семейная драма и творческий путь главного героя, ставшего писателем «во времена перемен», в ходе грандиозных сдвигов в общественной жизни Китая второй половины XX – начала XXI века.

Содержание

К читателю	5
Часть первая	7
Глава 1. Весенний ветер приносит радость с неба	7
Глава 2. Сильная женщина и пейзаж вокруг	20
Глава 3. Теплый уютный маленький дом	38
Глава 4. Покой и счастье на фоне бурных лет	56
Глава 5. Ах, Пекин!	79
Глава 6. Болезнь все расставляет по местам	97
Часть вторая	112
Глава 7. Необъяснимые приступы ностальгии	112
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Ван Мэн

Смеющийся ветер

© Ван Мэн, 2026

© ООО «Международная издательская компания
«Шанс», перевод, 2026

Ван Мэн предоставляет исключительное право на издание и распространение данного произведения на русском языке во всем мире ООО «Международная издательская компания «Шанс». Все права защищены. Не допускается копирование и распространение текста без письменного разрешения правообладателя.

К читателю

В июле-августе 2019 года я закончил повесть «Смеющийся ветер» объемом почти 80 тысяч иероглифов. В том же году ее опубликовали в декабрьском выпуске журнала «Жэньминь вэньсюэ» («Народная литература»). В предисловии было отмечено, что «эта повесть по содержанию сопоставима с романом». А в январе и феврале 2020 года отрывки «Смеющегося ветра» независимо друг от друга опубликовали «Сяошо сюанькань» («Избранная проза») и «Сяошо юэкань» («Ежемесячный журнал прозы»).

Тогда же случилось со мной такое, чего не бывало за все то время, что я пишу – уже изданное и опубликованное частями произведение меня самого будто околдовало, не отпускало. В уже напечатанном тексте я обнаружил так много заложенного и нераскрытого материала, столько точек роста, такое обилие ожиданий, возможностей, и еще – эпизодов, связей, причин и следствий, которые можно сделать точнее, сильнее, правдивее, богаче, тоньше, показать в развитии, прочнее связать, отрегулировать фокус и четче сканировать...

Все это ждало, что я наведу в нем порядок, требовало моего участия и вмешательства. Повесть будто впилась в меня, опутала, оплела, требовала и приказывала – и я ничего не мог с этим поделать, даже если бы захотел. Ни уйти, ни бросить. Думал было выпустить отдельной книжкой, но не

смог: понял, что должен еще много туда вложить – что-то продолжить, что-то развить, отшлифовать, усилить, отполировать, чтобы получился настоящий, полноценный роман, и назвать его, скажем, «Смеющийся ветер. Роман». Потом думал поменять название на «Если жизнь тебя обманет...» Я даже просил читателей помочь мне с идеями – как назвать, если книга будет переиздаваться?

Так что еще два месяца я потратил на то, чтобы всерьез и в полном объеме, а не фрагментами, доработать начальную рукопись, дописал ее, добавив еще почти пятьдесят тысяч иероглифов, много с ней возился, снова и снова приглаживая текст, пока не получилась вот эта книга.

«Молодой человек почтенного возраста» постоянно пишет, правит, развивает, восторгается, нетерпеливо ждет – скорее, чтобы успеть! – это какая же радость, это же сколько смеха и сколько ветра!

Часть первая

Глава 1. Весенний ветер приносит радость с неба

Весной 1958 года средняя школа уезда Биньхай переехала в новое трехэтажное здание. В это же время семнадцатилетний Фу Дачэн получил стипендию в рамках программы расширенного набора молодежи из бедных крестьянских семей. После трех лет ожидания его вопреки общим правилам включили в дополнительный набор, посчитав, что он «критериям соответствует». Таким образом, Фу Дачэн стал, наконец, исполненным энергии и энтузиазма очным студентом высшей ступени средней школы эпохи «Большого скачка»¹.

А причиной всему была рукопись, которую он отнес в газету комитета комсомола провинции на конкурс, посвященный Дню молодежи 4 мая. Фу Дачэна наградили и назвали

¹ «Большой скачок» – экономико-политический проект, имевший целью преодоление экономической отсталости Китая за счет резкого перехода от аграрного уклада к индустриальному, и предполагавший осуществить этот переход в предельно короткие сроки. Результатом целого ряда соответствующих кампаний (1958–1960 гг.) стала экономическая, экологическая и гуманитарная катастрофа. По разным данным во время «Большого скачка» в Китае погибло от 20 до 40 миллионов человек. – *Здесь и далее, если не указано иное, – примеч. ред.*

«юным талантом из крестьян», на которого должны равняться все село, весь уезд, и даже провинция.

Новое общежитие уездной средней школы по обыкновению тех мест построили без уборной, так что тем, кто жил в общежитии, приходилось, поднявшись посреди ночи, спустаться по лестнице, выходить наружу и топать еще метров двести до туалета, стоявшего недалеко от спортзала. Если уж вспоминать, как было тогда, в самом начале, то места гигиены в уезде Биньхай с гигиеной не имели ничего общего. Это была не гигиена, а сплошная антисанитария – прямо в нос било неэстетичной, едкой, удушающей вонью.

В этот вечер Дачэн сбегал в уборную, все, что надо было, сделал, и спокойно шел обратно в общагу, где пахло всего лишь мальчишечьим потом да влажными следами сладких ночных сновидений. По дороге, словно сквозь сон, он услышал донесенные весенним ветром отголоски девичьего смеха.

В то время в этом уезде еще сохранялись старые правила, когда в младших классах – пятом, шестом – мальчики и девочки учились отдельно, а в старших классах вообще ходили в разные школы, и только в начальной школе или уже после поступления в вуз учились в общих классах и группах. У Дачэна не было сестер, не было девочек и у соседей, так что смех девушки для него был звуком странным, чужеродным.

Звуки смеха, принесенные ветром в ту ночь, были чисты-

ми, хрупкими, живыми и радостными; наивные, романтические как звездопад, как пена волн, как пение ночной птицы, они струились по ветру, щекотали слух, скользили возле лица, прядями обволакивали все тело, будили воображение. Ветер от этого смеха становился загадкой, смех вместе с ветром то поднимался, то затихал. А потом вместе с ветром ушел, понемногу удаляясь и пропадая – от чего в сердце вдруг защемило – и опять все стало спокойно и тихо вокруг.

И вот не было больше ни ветра, ни смеха, остались лишь звуки машин, стрекотание насекомых, лай дворовых собак, далекая весенняя песня ночной птицы да доносящаяся из курятника возня и недовольное попискивание громоздящихся друг на друга цыплят. А еще чуть позже и птицы не стало слышно, и собаки умолкли, машины замерли, люди ушли, свет звезд померк и зашуршал мелкий дождь. В его шуме потонули все прочие звуки, капли застучали чаще, словно хлынувшие слезы, которые кто-то пытался, но не смог сдержать...

Он снова и снова переживал это удивительное дуновение смеха, этот смеющийся голос ветра – как вдруг в глазах потемнело, все тело покрыли бисерины пота, небо закружилось, земля закрутилась... «Что со мной, мне плохо? я болен?.. Это от недоедания?» – думал он.

Впервые юная весна кружила ему голову – таинственная, удивительная, пугающе сладкая прекрасная весенняя ночь. Понемногу отпускало. Он застонал – так, что сосед очнул-

ся и спросил: «Дачэн, что с тобой?»»

Потом несколько дней подряд он писал стихи о девичьем смехе, принесенном весенним ветром:

Звуки смеха на ветре верхом прилетели ко мне —

Это ветер весны так смеется и веет.

Динь-динь-динь,

Ха-ха-ха!

Этот ветер меня разбудил, окрылил —

Буйный смех этот ветер наваял!

Смех и ветер сейчас попрощались с весной.

Так приходит весна в этот день,

Так она и уходит... О, да!

Это смех, это ветер!

Смех разнесся повсюду!

Это смех, это дождь —

От него облетают цветы, от него расцветают!

Этот смех — в моем сердце!

От смеха уходит зима и приходит весна!

Смех разбудит всю землю, все небо!

Засмеются цветы, засмеется луна, засмеется весна!

Ха-ха-ха! Ого-го!

Эге-гей! Ах-ха-ха...

Творение Дачэна стало известно всей школе, из школы разнеслось по уезду, распространилось на район, за пределы района, на весь город, и дальше — на другие города и даже за пределы провинции.

Стихи овладели молодежью, но и молодежь тоже за них взялась – стали подбирать рифмы, дописывать, переделывать. Если передаешь дальше, то обязательно надо от себя что-то вставить, и раз уж к тебе в руки попало, так добавь огоньку... Стихи и молодежь играли друг с другом, друг друга переделывали, крутили друг другом и так и сяк. Появились разные неправильные строчки: «Смех твой услышал – будто увидел тебя! Вижу – и словно крепко сжимаю в объятиях...» Это, конечно, уже те, кто передавал, подлили, как говорится, масла и уксуса, а когда в таком виде и дальше пошло-поехало, то никто на себя ответственности не взял, сказали, что это Дачэн написал.

Эти стихи молодые парни стали распевать на мотив очень популярной песенки начала XX века «Виноградная фея» композитора Ли Цзинхуэя. А местная труппа жанра *банцзы*, – частушки, которые нараспев рассказывают под ритм барабанчиков и колотушек, – ухватив момент, поставила стихотворную пьеску-речитатив со словами:

Ветерок весенний навевает сон,
на губах лукавая улыбка.
Нежная весна шелестит дождем,
юноше мечтается, не спится.
Отголосков звонких смеха пролетело эхо
над макушками Грудей-холмов,
И разносится повсюду по нефритовому блюду
зеленеющих садов...

Автор либретто в примечании указал, что «лукавая улыбка» отсылает к строке из «Книги песен»: «О, как сияют прекрасные очи, о как прелестна улыбка лукавая!», а «Груди-холмы» – «Шуанжуфэн» – находятся в Цяньсинань, в автономном уезде Чжэньфэнсянь, где живут представители народностей буи и мяо.

Член партийной организации, ответственный за пропаганду, и секретарь объединенной школьной ячейки комсомола нашли Дачэна и поговорили с ним. Во-первых, о том, что надеются на его моральные качества и осмотрительность в выражениях, особенно с учетом их влияния на массы. А еще о том, что в комитете комсомола школы и даже уезда высоко ценят его классовое происхождение, идейность, успехи в учебе – особенно его стойкость, скромность в быту, усердие и прилежание – и думают рекомендовать его к вступлению в партию, когда ему исполнится восемнадцать, а в ближайшее время собираются выдвинуть его на должность замсекретаря объединенной комсомольской ячейки школы... так что ему надо вести себя достойно. От этих слов Фу Дачэн весь покраснел – даже уши горели – и сидел как на иголках.

Со дня его рождения прошло несколько месяцев, но Дачэн в партию не вступил и замсекретаря комсомольской ячейки тоже не стал. Ему дали понять, что стихи про «смеющийся ветер» были так себе, и направленность у них была неправильная, нехорошая. Начались летние каникулы, Дачэну ни-

чего не оставалось как ехать домой, в деревню... То вроде бы все шло как по маслу, в лучшем виде, а теперь вдруг наоборот, как-то вяло, чтобы не сказать – совсем уныло.

Вспомнились не раз слышанные дома слова «добрых путешествий в мир выходящему»: «Не жди для себя ничего хорошего!» – такая уж философия в китайской деревне: думаешь о хорошем, чего-то ждешь, надеешься, а в этом-то и есть корень всех огорчений.

Перед Праздником Весны 1959 года, как только начались зимние каникулы, он вернулся в деревню, к себе домой, а там – будто гром среди ясного неба: отец с матерью решили, что он должен жениться на дочери одного крестьянина-середняка из их же деревни, девушке старше его на пять лет, прекрасной по всем статьям, белокожей, сладкой, красивой... Он решительно отказался, заявив, что еще слишком молод. А отец с матерью сказали, что нет, он уже не маленький, что все серьезные, уважаемые люди в деревне подтвердят: Фу Дачэну уже исполнились установленные по закону для женитьбы двадцать лет, а то, что говорят, будто ему восемнадцать, так это из-за ошибки в записях домово́й книги. Тогда записи вели с опозданием – как раз на два года, – вот и записали двухлетнего Дачэна, который уже бегал повсюду и болтал без умолку, как только что родившегося. Со стороны ответственных за такие вопросы это все полностью признано, возраст ему уже исправили – с восемнадцати переписали на двадцать, и в канцелярии местной сельской администрации

готовы выписать свидетельство о браке...

Так что все хорошо, все прекрасно, просто замечательно. Что же касается невесты Дачэна, то тут прекрасного и замечательного даже больше, чем просто хорошего. Невестка в дом – и все проблемы решатся, ведь у матери Дачэна уже и спина, и ноги болят, в домашних делах настоящий кризис. И папа Дачэна сможет спокойно наслаждаться жизнью. В конце концов, оба родителя всю свою жизнь трудились в поте лица, хотелось бы им и внуков увидеть пораньше, до того, как испустят последний вздох. Ниточка рода не прервется, свеча, так сказать, не погаснет, не стыдно будет перед предками на том свете... А уж самого Дачэна на селе, все, кого ни возьми, уважают, гордятся им, любят, и за честь посчитают породниться с таким красавцем, да еще с земляком, который из всей деревни единственный учился в средней школе высшей ступени, в грамоте разбирается, начальством отмечен как начинающий талант и самородок...

И потом – та семья, Бай, довольно уважаемая, дочка их с крепким характером; кто только к ней не сватался – она не шла, а такого, как ей хотелось бы, все не могли сыскать. Уж больно она нос задирала, такая гордая, что соседи как от кислого от нее кривились, ну вот и дотянула – уж двадцать три года ей, а не замужем до сих пор, и, может быть, из-за этого она постоянно с другими женщинами ссорится – ну и те с ней, конечно... Только и рады друг друга уколоть да посмеяться, как заведутся, так все, что было и не было припомнят.

Про семью Бай говорят, что они с соседями за воду и за границы участка тяжбу вели чуть не целое поколение, и ту семью, Хуанов, сильно обидели, так вот теперь очередной Хуан добивался, чтобы семью Бай записали в кулаки, вычеркнули из народных бедняцких рядов и поместили туда, где им самое место, как тех же врагов народа, помещиков-супостатов Хуан Шижэня или Нань Батяня, что в книжках описаны.

В итоге красавица наша Бай Тяньмэй сама сказала, что хочет за Фу Дачэна, который происходит из бедняцкой семьи и учится в школе высшей ступени, — то есть явно не без мысли о том, как скажется этот шаг на дальнейшей судьбе семьи Бай в целом. Когда Фу Дачэн все это услышал, его бросило в жар, и уши из красных стали пунцовыми.

Семья Бай говорит, что для свадьбы от семьи Фу им никаких положенных подарков и подношений совершенно не требуется, а со своей стороны они, Бай, дадут очень хорошее приданое: одних только мягких подушек из гусяного пуха, купленных в большом городском универмаге, целых шесть штук, да два одеяла с узорчатым верхом, на постель. Отец с матерью постоянно напоминали Дачэну, чтоб не забывал: они бедняки, которые после простой средней школы дали сыну проучиться еще три года в высшей; теперь они болеют, дела семьи в упадке и за что ни возьмись, все из рук вон... А Бай Тяньмэй и умна, и собой хороша, и здоровая, и крепкая, и ловкая, и быстрая, и сметливая, это всей деревне из-

вестно.

Потом приходили: трое старших дядьев по отцовской линии и шесть младших, пять младших тетюшек и четыре старших по материнской, начальница женского комитета, секретарь, сельский староста, бухгалтер и кассир, дедушки, бабушки – словом, все приходили. Кроме помещичьих и кулацких элементов, конечно. Будущие свахи и посаженные тетюшки на скорой свадьбе тоже приходили – поболтать по душам, поддержать морально – и донимали его своими шуточками да прибауточками, так и сяк сворачивая на то, что свадьба будет знатная, искры во все стороны полетят, горы зацветут и заблагоухают, пар пойдет столбом, да дым коромыслом, так что на всю жизнь запомнится.

Все женщины деревни до сорока пяти, детородного возраста, уже замужние, встречая Дачэна, заходились радостным смехом, рассыпались в поздравлениях, в глазах у них сверкала зависть, а слюни чуть не капали изо рта, пока они подбадривали его и желали удачи, расписывая, как «детки будут сидеть у порога и звонкими голосами звать мамочку», как сны и мечты станут отрадной реальностью. Потом разбирали в деталях, похохатывая, как Бай Тяньмэй наестся досыта «молодой травки», станет еще слаще и красивее.

Дальше – больше: не нашедшие себе жены одинокие холостяки расхваливали его удачу и самым неприкрытым образом выражали свою черную зависть, при этом на все лады с пеной у рта давая советы и рекомендации, как имен-

но ему действовать в первую брачную ночь, просвещая и передавая жизненный опыт. Дачэн думал только о том, чтобы провалиться сквозь землю и, раз этого не получается, то как бы ему, только что сделавшему прыжок в передовую и прогрессивную молодость, выпутаться из всей этой наводящей тоску и тошноту грубой неотесанности. Сильное чувство неприятия у него вызывало и то, что за исключением его самого, остававшегося в полном неведении, буквально все в деревне, начиная от стариков и до школьников, от начальства самых разных уровней до простых служащих местной администрации – и даже парикмахеры, продавцы, акушерки и медсестры, абсолютно все! – знали, что он женится. Все как один приготовились к радостному событию в жизни семьи Фу и Бай. Он был с железной определенностью зачислен в мужа Бай Тяньмэй, никаких препятствий и колебаний нет и быть не может, счастье его решено и устроено, чем раньше, тем лучше. Осталось только узел затянуть – и дело с концом! По полной программе, со всем размахом. Невеста уже распахнула объятия, свадьба прочно стоит перед ним как скала, вся деревня это знает, не оставляя ни щелочки для сомнений, а тем более каких-либо перемен.

Самое поразительное было то, что весь род Хуанов, всегда придерживавшийся крайне негативного мнения обо всем, связанном с семьей Бай, – в особенности о досидевшей до двадцати трех лет в девках Бай Тяньмэй – вдруг задумался о классовой принадлежности семьи Фу, общественном мне-

нии и человеческих судьбах и, чтобы не расходиться с еди-
нодушной в целом высокой оценкой со стороны односельчан
самого первого на деревне студента средней школы высшей
ступени, начал выражать брату Фу Дачэну свое решительное
расположение на базе прочной бедняцко-крестьянской плат-
формы и уважение в духе традиционной культуры вежливо-
сти.

Они еще и за руки не держались, словом не перемолви-
лись; он даже не слышал смеха этой Тяньмэй. Может, он как
бронзовый колокольчик? Или как барабан дырявый, или как
треск рвущейся тряпки? А может – как визг пилы? Он же со-
вершенно ничего не знает о ней! От таких мыслей Дачэн об-
ливался холодным потом. Он весь иссох, похудел на несколь-
ко *цзиней*², стал бледен лицом как смерть, и немногие оста-
вавшиеся еще на деревне бездельники-проходимцы лекари
уже бегали за ним, наперебой предлагая свои услуги в под-
боре верного средства для восстановления сил...

В эту пору ему вдруг вспомнилась фраза, сказанная класс-
ным учителем, уходящая корнями еще в далекие сунские
времена: «Единый миг ошибки все обрушить может – так
почему ж не мог бы все спасти миг красоты?!»

Поддавшись общему настроению людей и природы во-
круг, в канун Праздника Весны 1959 года, Фу Дачэн внезап-
но нашел выход. Перед ним лежала прямая, ровная, слов-

² *Цзинь* – традиционная китайская мера веса; в настоящее время составляет 500 г.

но прочерченная единым взмахом кисти, сверкающая новая стезя – широкая дорога к освобождению от всего, что его опутало: представь себе, что год назад, прошлой весной, ветер – ну допустим... нет! скажем решительно и прямо – тот ветер донес до него не что иное, как смеющийся сладкий голос прекрасной Тяньмэй! Это же было предначертано Небом! Это – его судьба! Это – любовь, бьющая фонтаном, заставляющая скакать оленем, метаться, как заяц и трепетать, словно рыбка!

Зачем же противиться этому? Может, лучше поплыть по течению, пойти на поводу, сдаться и нырнуть в сладкие прекрасные звуки летящего в весеннем ветре смеха прекрасной Бай Тяньмэй, а? О, Ветер весны, и ты, Месяц-сват, протянувшие красную брачную нить смеющихся звуков! О, как сладостна весенняя ночь, орошенная плодородным дождем! О, как прекрасна гармония Неба! Оба сердца в объятьях весны! Все решено – как же не насладиться этой сладостью? Как же не восхищаться этой красотой? И разве возможно, посмею ли – считать за горечь эту сладость, отвергнуть эту красоту, а?

Глава 2. Сильная женщина и пейзаж вокруг

Когда Дачэн перешел из начальных классов в среднюю школу, у его мамы были трудные роды: младшая сестричка умерла, едва родившись, а сама мама полгода пролежала тяжело больная – отнялись ноги и спина. Дачэн, конечно же, не мог продолжить учебу. В те годы средних школ было очень мало, в бедных захолустных селах были только начальные классы, и учиться дальше, идти в среднюю школу, было чем-то особенным, из ряда вон. Тут надо сказать спасибо, что начался «Большой скачок» – напряглись изо всех сил, сделали огромный прыжок; ответственные работники, воодушевленные статьей Мао Цзэдуна «О кооперировании в сельском хозяйстве», задумались: а не по ним ли самим надо «крепко ударить» за то, что «семян ножками»³... Большой вихрь поднял и понес Дачэна, на самый верх не занес, но поддержал. Он доучился до старших классов, и все потом только удивлялись и говорили, что это просто чудо, как ему повез-

³ Мао Цзэдун писал в 1955 г.: «По всей стране в деревне назревает подъем нового, социалистического массового движения. Между тем некоторые наши товарищи напоминают собой женщину с забинтованными ножками, которая, покачиваясь из стороны в сторону, медленно идет по улице и постоянно сетует на других: “Ну куда так спешить!” <...> Нет, это не правильная линия, это ошибочная линия». *Мао Цзэдун. Избранные произведения*. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. Т. 5. С. 215.

ло.

Вскоре после поступления в старшие классы и был тот случай, когда поднявшийся среди ночи по нужде и возвращавшийся из уборной Дачэн услышал очаровавший его и вскруживший ему голову смех молодой девушки. Как часто бывало в деревне, смех по ветру мог прилететь издалека – за три, а то и за пять *ли*⁴ или больше. Тот подаренный Небом смех вдруг превратился в мысль о женитьбе на Бай Тяньмэй. Поначалу он всячески от этой мысли увиливал, сопротивлялся ей, но в какой-то момент вдруг осознал: это там у себя дома смеялась Бай Тяньмэй! Ну как же нет, конечно! решительно так, бесповоротно! – именно так! – сладкая и прекрасная, чего же ей не смеяться?!

Да, верно – ветер принес к нему смех Тяньмэй, ветер и ее смех неразрывны, как лицевая сторона и подкладка одной одежды, они переплелись, пропитали друг друга. Это поэтический образ, а потому еще более великая правда. Он думал, что станет, что может – до старости! – сбиваться, путаться, сомневаться в оценке этой женитьбы, но всегда будет помнить смех, который так сжал тогда сердце семнадцатилетнего, переделанного в двадцатилетнего, чтобы против воли женить, Дачэна, помнить смеющиеся звуки ветра, мгновенно и бесповоротно ставшие для него ключом к пониманию жизни, к осознанию красоты, к восприятию любви, к ощущению себя как мужчины – настоящим откровением. Этот смех вет-

⁴ Ли – мера длины, равная 500 м.

ра он понял для себя как признание в любви к жене, которая ляжет с ним под одно одеяло... «О, весна моя! О, спасающая из пучины невзгод милосердная богиня!» – и тут он заплакал.

И кто бы сказал, что так не бывает? Волшебным образом связавшая Фу Дачэна и Бай Тяньмэй удивительная любовь вмиг превратила горе в радость, безвыходность в простор... Да, есть в наших сельчанах неистребимое и поистине великое умение повиноваться и покорно принимать сердцем то, что им поначалу не по нраву.

В годы «Большого скачка», вскоре после того как был написан «Смеющийся ветер», в общежитии его школы сделали туалетные комнаты – это тоже был маленький скачок вперед.

А после зимних каникул в тот год скакнули еще дальше – объединили мужские и женские школы. Стало почти невозможно глубокой ночью услышать издалека доносимые ветром чарующие и удивительные звуки девичьего смеха. И он постепенно стал думать, что смех, услышанный им в тот раз, конечно же, вовсе не обязательно был именно ее, суженой ему Тяньмэй.

У всего есть свои причины. Так или иначе – звуки смеющегося ветра разволновали его, и теперь свою суженую заключит он на ложе в объятья свои. Из метаний в четырех стенах – путь наружу... Смех понемногу затих, звук его постепенно растаял, на смену влюбленности пришло беспокойство.

Как же долго – сквозь длинную череду темных, угрюмых ночей и морозящих дождями дней – ныло и болело его сердце от этого красивого вымысла! Пусть то был не голос Тяньмэй, но все же он был – волшебный смеющийся голос, сказавший ему, Дачэну, что настала пора вступить с Тяньмэй в вечный, счастливый союз!

Еще удивительнее было то, что «Смеющийся ветер» оказал влияние на дальнейшую карьеру и всю его жизнь: впоследствии вместо него секретарем комсомольской ячейки (их после пятьдесят девятого года преобразовали в комитеты комсомола) стал учившийся вместе с ним Чжао Гуанцай. Чжао Гуанцай был младше его на четыре года, но по ведомости учета кадров, появившейся позднее, он оказался младше на шесть лет, потому что ради женитьбы Дачэну два года прибавили.

В 1961 году они вместе поступили в Институт иностранных языков, Дачэн стал учить русский язык, а Чжао Гуанцай – японский. У Чжао потом служебная карьера пошла неплохо. А вот у Дачэна всегда была страсть к литературному творчеству, и можно сказать, что результаты его усилий были впечатляющими. Он стал «известным писателем», причем по-настоящему, без необходимости подчеркивать, что известен. При этом его жизнь была заполнена красавицей из рыбацкой деревни по имени Бай Тяньмэй, которая вплотную им занялась, опьяняла и утомляла настолько, что он дважды падал в обморок.

А Тяньмэй – молодец: она повезла своего долговязого муженька в уездный центр и отыскала там почтенного Бай Шэньсяня, родственника клана Бай и врача китайской медицины, который прописал особое вино, настоенное на трех целебных компонентах. Она хорошо и вкусно кормила студента Фу Дачэна, который как следует приодетый, стал еще интеллигентнее, еще выше ростом и еще духовнее. Все на селе пришли к заключению, что Бай Тяньмэй и семья Фу сделали очень правильный выбор.

Когда в 1961 году Дачэну исполнился двадцать один год (причем считалось, что ему двадцать три), он закончил учебу в средней школе высшей ступени и поступил в институт иностранных языков центрального города провинции, а Тяньмэй родила сына Сяолуна – «Маленького дракона». В шестьдесят третьем к Празднику Весны она родила дочку Сяофэн – «Маленького феникса». Теперь у них были уже и сын и дочь, а у Тяньмэй была еще и работа: она устроилась на фабрику по пошиву одежды в уездном центре.

В это самое время Дачэн стал задумываться о том, что ему чего-то не хватает. Он хорошо понимал, что имеет намного больше, чем его братья по классу – односельчане, так что ему пришлось не просто задуматься, а думать очень и очень упорно, настойчиво, неотвязно – чего же все-таки ему недостает?

У него есть красивая жена, есть сын-Дракон и дочь-Феникс, в институт он поступил, от сельской прописки откреп-

лен и может в перспективе стать ответственным работником администрации. Поэтому он еще сильнее переживал и мучился, все отчетливее понимая, что у него чего-то нет. Люди так устроены – они вечно беспокоятся о том, чего у них нет, а не о том, что уже имеется.

Он, наверное, должен был испытывать любовь, но в итоге точно понял, что нет, не испытывает; он завидовал тому, как другие говорят с любимыми, с супругами по телефону – нежные слова, сладкие речи, милое воркование... А у него было не так.

Он никогда не звонил Тяньмэй, не говорил с ней по телефону, и Тяньмэй никогда ему не звонила. У них дома не было телефона. И в поселковый центр Тяньмэй не пошла бы, не стала бы тратить немалые деньги, чтобы позвонить ему. Любовных писем и стихов он Тяньмэй не писал, и от нее тоже не получал. Она не говорила ему нежных слов, не строила глазки, не надувала губки. Ни разу. Она не требовала от него ласки и тепла.

Когда у человека есть и это, и то, и еще много чего, тогда он, вроде бы, должен начать понимать, что ему нужно для счастья. Но на самом деле нет, счастливым от того, что приобрел, он себя не чувствует. А особенно горько и досадно, когда не понимаешь, что сам себе это устроил. Он видел, слышал, как преподаватели говорят с любимыми или с объектами своего внимания по телефону – нежно и ласково, возвышенно, раскованно, с наслаждением – и тихо завидо-

вал.

Кроме того, ему не хватало улыбки и смеха жены. Удивительно, но Тяньмэй очень редко смеялась. А даже если смеялась, то почти беззвучно. При этом она наклонялась вперед и прикрывала рот рукой. Чего она боится?

Выучишься – поймешь, как мало знаешь, достигнешь чего-то – узнаешь, чего не достиг; в день получки становится наконец ясно, что ты – нищий, а повышение по службе раскрывает тебе глаза и становится понятно, сколь мелка и ничтожна твоя должность. Таков человек, так уж он устроен.

Еще два года спустя, в 1965-м, после окончания вуза его распределили в далекий приграничный город Н-ск переводчиком. А Чжао Гуанцяя отправили в большой приморский город, к тому же, как говорили, блестящий Гуанцай блестяще женился – на дочери высокопоставленного ответственного работника. Едва закончив институт, он в мгновение ока оказался в том большом городе на должности замсекретаря комитета комсомола, и это стало его основной работой.

А Дачэн думал о поэзии и прозе, много писал. Он знал, что уже известен, что на него обращают внимание, когда он где-нибудь появляется. Молодые девушки вроде бы проводили его взглядами, вроде бы кто-то говорил, что его произведения заметны и упоминали «Смеющийся ветер», а иногда добавляли, что еще в школе он получил за эту вещь предупреждение.

Меньше всего ему хотелось слышать, как другие, говоря

о нем, произносят: «женат», «жена, дети» и еще «неграмотная». Собственно, Тяньмэй не была совсем неграмотной, она отучилась в начальных классах, и, на самом-то деле, по его ощущениям, знания у нее были на уровне средней школы.

Непонятно, почему везде – в школе, в институте и в Н-ске – все без исключения общавшиеся с ним особы детородного возраста так до этого докапывались? Не может быть, чтобы они поголовно испытывали к нему интерес, однако всех очень занимала его личная жизнь. В нем не было особенной притягательной силы, а факт раннего брака сам по себе не стоил того, чтобы уделять ему много внимания.

Имелось некоторое беспокойство, неловкость, ощущение, что в его жизни что-то не так. Вспоминая, как ему приписали лишние два года, взгромодили на жену, белую и пышную, – после чего некоторые интересовавшиеся им женщины стали посматривать на него кто с сочувствием, кто насмешливо, – он задавался вопросом: «А что я, собственно, собой представляю? Кто я – послушный сын? Муж на содержании? Инструмент для плотских утех? Или это самообман? А может все дело в судьбе, просто в жизни?» Припомнилось, как взрослые – и мужчины, и женщины – то и дело теребили деревенских ребятишек за их маленькие писюльки и веселились. Писюлька мальчика – это что, общественное достояние? Игрушка для всеобщего развлечения? Хотя, впрочем, – кто из нас по-настоящему является хозяином своей маленькой писюльки...

Он то и дело возвращался к деталям событий и своих ощущений в процессе собственной женитьбы.

Были: чувство неловкости, отторжения, разочарования, что-то приятно удивляло новизной; было радостное оживление и заячий испуг, восторг скачущего олененка и наивная романтичность, смущение и стыд, а потом – эх, была-не-была! – решительная отвага...

Не было: чувства свободы, самостоятельности, уверенности в себе, чувства благодарности Земле и Небу, отцу и матери, не было мужского куража; было давящее, тягостное чувство вины и огромная радость от того, что наконец-то все кончилось!

Было ощущение, что его унизили и соблазнили одновременно. Он был игрив и вместе с этим подавлен; к совершенно незнакомой женщине он испытывал, скорее, жалость, сочувствовал ей, а еще больше – боялся ее и наслаждался при этом.

Женитьба для мужчины абсолютно точно является и огромным удовольствием, и огромным соблазном – это как на небо взлететь, как раскачиваться на качелях, как... как скакать на буйволе или осле, как канаву копать или плугом пахать, и еще – как огромное рисовое поле заливать водой, как выиграть приз. В конце концов он признался себе, что Тяньмэй очаровала его, что он утонул в ней, весь распался, расплавился и потек, он полностью удовлетворен физически, он стал полным и целым, одновременно с этим обна-

ружив, однако, в себе недостатки. Душа его истекала сладким соком и кровью.

В особенности же худо ему стало, когда он начал читать. Он прочел трилогию Ба Цзиня «Стремительное течение: Семья. Весна. Осень», затем стал читать Сюй Чжимо, Ли Шаньиня, Лю Юна, потом – Чжан Хэньшуя, Цинь Шоуоу с писательским псевдонимом «Тощая чайка» и Чжоу Шоуцзюаня с псевдонимом «Худая кукушка». Затем пошел далее, этажом ниже: Лю Юньжо, Гэн Сяоди, а затем – иностранцев: Шелли и Байрона, Мериме и Тургенева. Дачэн проникся острой болью от осознания собственной неполноценности и несовершенства. Он почувствовал себя как при последнем издыхании, словно частички того немногого, что оставалось в нем, – старого китайского, феодального, загустевают внутри комочками ядовитых опухолей, разрастаются, становятся все больше и больше, ему хочется, чтобы его вырвало, вытошнило, но ему нечем. Кажется, что надо делать хирургическую операцию, вот только непонятно, куда втыкать скальпель? Он... он... он ненавидит эту жизнь! Ненавидит свою зависимость от этой жизни, но может только притворяться и делать вид, будто все хорошо, когда ничего не хорошо. Μποжет только принять все как есть и даже пробовать получать удовольствие от этой картины – картины совершенно другого рода, чем те, что он сам себе рисовал когда-то...

Любовь, женитьба – что это? Любви нет – наоборот, категорическое отсутствие трепета и какого-либо душевного

подъема. Нет любви – еще можно бы жить, ведь есть тело, в котором есть жизнь, а значит, будет и любовь, будет желание стать сильным, бороться, свободно расправить плечи... но сколько же, как же много досады и отчаяния!

Опять же, ему не очень-то хотелось кому-либо говорить, что с ним что-то не так. При этом он вовсе не считал, что родителям теперь совсем нет дела до такого рода проблем своих детей, что свахи остались без работы, что любовь стала, так сказать, свободная, и что мужчины и женщины все разом обрели счастье.

Через много лет он прочтет роман писателя Ван Мэна «Метаморфозы, или Игра в складные картинки» и узнает, каким воздухом дышала интеллигенция, жившая во времена Движения 4 мая⁵, среди которых были и великие люди, и мелкие, такие, чей голос звучал высоко и громко, а иные несли не пойми что, кто-то искал новой жизни и хотел новой культуры, а кто-то впал в безысходность, потерял опору и невыносимо страдал, вися, как тот никчемный У Далан⁶ на перекладине – ни прыгнуть, ни подтянуться.

Это называется «старое развалилось, а новое не построили». Посмотреть, так все, что у тебя осталось – это сплошные руины, груда битого кирпича и осколки черепицы. Даже

⁵ Движение 4 мая – массовое антиимпериалистическое движение, ставшее началом эпохи политических и культурных преобразований в Китае.

⁶ У Далан (*кит.* – «коротышка») – персонаж классического китайского романа XIV в. «Речные заводы». Олицетворение человека не только невысокого ростом, но и морально низкого.

если приходит что-то настоящее, новое, сверкающее – Свобода, Независимость, Любовь, – да все равно что, – ты совершенно к этому не готов. Никак. Ничего не готово, ты не готов. Все наперекосяк, все набекрень, ничего не складывается. Это может понять только тот, кто пережил подобное.

Как человек разумный, он понимает, что в сравнении с устроенным браком свободная любовь категорически прекраснее и волшебнее, что ни говори. Однако, если сравнивать коэффициент счастья, вычисленный по формуле, где свобода в знаменателе, а любовь в числителе, то будет ли он в конце концов выше, – и насколько выше – чем счастье, у которого в знаменателе брак по расчету, а в числителе «порядок в семье» (то есть все устроено, как положено)? Это очень индивидуальный вопрос, и тут нужна особая арифметика. Поэтому ответ будет: «одному Небу известно».

Те, кто принципиально стоит за новую культуру и свободу любви, должны решительно сказать себе: будет ли счастье, нет ли – я хочу свободной любви, даже если из-за этой свободы любовь загонит меня под землю или в пылающую бездну! Я не пойду на отказ от собственной индивидуальности, не склоню голову перед феодальным обычаем устраивать брак по расчету, принуждающим, как слепой кот в поговорке, ловить мышей наощупь. Ведь только дохлую мышь так поймает!

Здесь, кстати, наблюдается большое сходство с преувеличенно категоричным подходом начавшихся в то время и по-

следовавших далее политических кампаний: «Пусть будет одна только трава, зато – социалистическая трава! Лишь бы не ростки капитализма». А готов ли он заявить так же: «Дашь свободу в любви, хоть кровь из носу и трава не расти! – лишь бы не старорежимная обустроенность и практичное благополучие по-родственному»? Вот ведь в чем вопрос.

У Тяньмэй большие глаза. В деревнях на Севере такие большие, такие сияющие глаза из ста человек ни у кого не встретишь. У нее прямая высокая переносица, и вообще все в семье Бай от других чем-нибудь отличаются... Бай Тяньмэй совершенно явно – своей белизной. На постели она как что-то белое и воздушное... Как белый лотос... как белый корень лотоса... как белый лебедь... как белый сыр, белопенная волна, белый песчаный пляж. Не желто-золотистый.

От этого его голова кружится, от этого хочется громко рыдать. Она все может, за что ни возьмется, что ни делает – все получается. Она умеет готовить, шить одежду, вышивать узоры, умеет вязать, в доме у нее всегда порядок... Она освоила или сама придумала одиннадцать видов узорной вязки, выучила и сама создала полтора десятка рецептов засолки, маринования, копчения, засахаривания, заквашивания, вымачивания... А что она делает с печкой, лучше вообще не упоминать. И варит, и парит, и жарит: в кипящем масле, на сухой раскаленной сковородке, в кляре, на вертеле; запекает, вываривает, ошпаривает, томит в горшочках!

Она делает детям всяческие игрушки: двухголовых обе-

зьянок из глины, вощенные бумажные крутящиеся фонарики-карусельки, свистульки в виде тигрят, бамбуковых стрекоз, которые, если их удачно подбросить, могут целую минуту порхать в воздухе. Она – мастерица-волшебница, она – королева женского рукоделия, она пришла в этот мир, в зажиточную середняцкую семью Бай, а потом в итоге в бедняцкую семью Фу именно для того, чтобы трудиться. По Марксу, труд сам по себе высшая радость, а не первейшая необходимость обеспечить свое существование. Это она фактически руководит и управляет домом Фу. Когда самый пик «Большого скачка» миновал, а у нее уже родились мальчик и девочка, в 1963 году, она получила работу в уездном центре на фабрике по пошиву одежды и очень скоро, работая на сдельной оплате, по выработке, имела весьма внушительный доход.

Вот только одного никак не понимал Дачэн, и это его угнетало и даже пугало, – Тяньмэй очень мало говорила. Она молча делала всю домашнюю работу. Когда все вместе ели или даже выпивали по паре рюмочек, она молчала, хотя тоже могла выпить немного. Когда супруги отправлялись на кан⁷, ну и все такое – она молчала, вообще не издавала ни звука, лишь изредка можно было услышать ее напряженное, сдерживаемое дыхание, но губы все равно оставались плотно сжатыми. Это напоминало Дачэну пробивающееся в оконную щель холодное дыхание поздней осени.

⁷ Кан – лежанка из кирпича или глины в традиционном китайском жилище.

Он то и дело видел хмурое выражение на лице Тяньмэй. Почему она так любит хмуриться? Намертво завязанный узел сошедшихся бровей портил ее красивое лицо. Словно на свежеиспеченную румяную горячую красивую булочку уселась муха. Сколько он ни спрашивал, Тяньмэй ни в какую не признавалась, что ее что-то печалит или тревожит. «Нет, ничего, да все хорошо, да не знаю я...» Немногословная, она давала возможность говорить Дачэну, и он все говорил и говорил, пока в конце концов не почувствовал, что все его слова и бессильны, и бесполезны. Тяньмэй была «устойчивой к словам»: ты ей сто слов, она в ответ – ничего, и это тревожило Дачэна, было непонятно, пугало. В конце концов он смирился и стал принимать все как есть.

Дачэн принялся анализировать, доискиваться, представлять себе, какой бы могла быть разгадка. Он вспомнил один странный случай. У них в доме был старый кот. На третий день после их с Тяньмэй свадьбы, когда они ужинали вместе с родителями, Дачэн совершенно ясно видел, как кот поймал мышку. То есть почти поймал, но мышшь вдруг выскочила из его лап и убежала. В теории, да и на практике, одно только появление кота должно было привести мышшь в ступор, полностью парализовать, как удар молнии; категорически не могла мышшь выскочить из цепких кошачьих когтей и спастись. Он не заметил, видела ли Тяньмэй эту кошачью оплошность, этот невероятный стыд и позор, потому что в тот момент, при отце и матери, ему неловко было смотреть

на Тяньмэй. Но после он слышал, и не раз, как Тяньмэй бормочет во сне: «Киса, киса, бедный котик...»

И еще было – это уже в 1965-м, в год окончания учебы в институте, когда он приехал домой на новогодние праздники. В первый день наступившего года на большую софору, стоявшую во дворе их дома, прилетела ворона и стала каркать, из-за чего Тяньмэй весь день ходила с мрачным лицом. А самое страшное – и даже вообразить такое было бы невозможно – Дачэн среди ночи сквозь сон вдруг услышал, как изо рта жены доносятся звуки, подобные вороньему карканью: «Крра... карр-ра... а-карр...» Он вмиг проснулся и чуть не умер от страха. В тусклых рассветных сумерках ему казалось, что лицо жены печально, даже, пожалуй, искажено болью... Но, впрочем, в конце-то концов, действительно ли она издавала звуки, похожие на воронье карканье?

А почему лицо у нее, даже когда она спит мертвецким сном, не выражает безмятежного покоя, не расслаблено, а некоторым образом горестно напряжено? Мог ли он просто не разобрать как следует? Или, что гораздо вероятнее, нет у Тяньмэй никакой тайной грусти и не издавала она никаких звуков, а все это привиделось ее муженечку, которому вот-вот пора выходить на работу, которого во сне слегка придавила его белая пышная женушка, отчего и весь этот дурной сон?

Он – и сладкая красавица Тяньмэй... Где тут место дурным мыслям-то?!

Может быть, глаза и нос Бай Тяньмэй – это черты малых народностей севера Китая? Кажется, такая мысль еще не приходила Дачэну в голову. В самом начале он пытался увильнуть от этих незнакомых огромных глаз и прямого носа, потом они его заворожили, и, наконец, он погрузился в них и утонул с головой, чувствуя, что непонятным образом распадается, дробится на части, что меняется его суть, изменяются правила игры и сам он становится другим. Он внезапно перестал быть мальчиком-подростком, девственным, независимым и свободным отроком. А ведь и в рыцарских романах, и в романах о боевых искусствах всегда очень большое значение придается соблюдению и сохранению отроческой чистоты...

Прошло еще какое-то время, месяцев девять – примерно столько, сколько длится беременность у женщин – и его вдруг осенило, ударило, ошеломило – «Эти глаза! Этот нос!» Он же знал, что профессора, ученые, журналисты – все говорят про остатки народности *хунну*, рассказывают, что именно в их местности, в этой провинции еще есть потомки племени *хунну*, и это даже в каком-то смысле является местной достопримечательностью, поводом для гордости!

Если у мужчины широкие плечи, прямая осанка и, как у художников, бурно растут борода и усы, если у женщины волосы волнистые и с коричневатым оттенком, если грудь вздымается двумя большими волнами и сзади все крепко и округло, а у молодых – серые или голубые глаза, если ты ат-

лет выше двух метров ростом, то все в массе своей единодушно определяют – это потомки *хунну*. Может быть даже по прямой линии, от *шаньюев*, или же более поздние их ветви, ушедшие на север кочевники-скотоводы – с другими, но тоже громко звучащими именами народов алтайской языковой семьи: *сяньбийцы*, *цзе*, *цяны*, *уйгуры*, *гаоцзюй*, *кидани*, *сунь*, *ляо*, *чжоу*, *чжурчжэнь*, *цзинь*, *монголы*, *мань* – их, стало быть, потомки.

Из того, что говорили ученые, из мнений здешних сельских жителей, по романам, песням, стихам, определенно, вырисовывался ностальгический образ национального характера, который обращен в далекое прошлое с неясной тоской: «О, где вы, герои минувших времен!..»

Сочинив для себя многосерийную историю, красивую, как песня на старинный лад, Дачэн даже подумал было: не написать ли большую поэму, строк этак в несколько сот? Дать проникновенную картину величавых гор и потоков, сильных и статных мужчин и женщин, воспеть храбрость тигра и отвагу барса, густые травы и леса до небес, величавое течение истории, блистательную культуру, сияющие дни и годы, сверкающую череду восходов, потом – тьму сумерек, сокрывших ясность неба, ну и затем – воскресшее сиянье!.. Он ощутил, что в ней, Бай Тяньмэй, заключена необычайная мощь и художественность, и он категорически не должен недооценивать этого.

Глава 3. Теплый уютный маленький дом

Дачэн отправился служить в приграничный город Н-ск, а жену с детьми оставил дома.

В шестидесятые годы администрация городов очень строго регулировала население на своей территории, не только высылая людей некоторых категорий и определенные «элементы», но и вежливо отказывая всяким родственникам, особенно по женской линии: если жена, скажем, числилась по регистрационным спискам как «сельское население», то и дети учитывались соответственно, нечего им было лезть в горожане и есть за казенный счет.

Впрочем, в приграничном Н-ске все было несколько проще: если молодой человек не был совсем уж бестолковым, что-нибудь в чем-нибудь понимал, имел хоть какую-то должность, хотя бы пол-должности, если начальство благосклонно к нему относилось, окружающие хорошо отзывались — то все, что надо, делалось. Естественно, по мере возможного. А иногда и невозможное делалось. Находчивые и усердные умудрялись махать обоими крыльями, устраивали свое маленькое гнездышко и не коротали ночи в одиночестве. Они пристраивали жен и детей и наслаждались положенными Небом радостями. Дачэн захаживал к приехавшим из внутренних районов коллегам по работе, видел, как они жи-

вут со своими семьями – изящные женские туфельки стояли под кроватью, игрушечные машинки на полу, яркие многоцветные женские шали на вешалке... Понемногу начинали подниматься из глубины души сладкие воспоминания и зависть.

Однако с самого начала Дачэн хотел, чтобы Тяньмэй даже и не вздумала ехать к нему в Н-ск и жить там вместе с ним, честное слово!

Поступив в институт, он обнаружил, что среди студентов, изучающих иностранные языки, девушки в процентном соотношении намного превышают количество студентов мужского пола. Ах, эти студентки, собирающиеся группками и стайками, щебечущие на все лады словно иволги, порхающие как ласточки, свежие как цветы и сияющие как самоцветы, так мило смеющиеся и так благоухающие, такие способные и талантливые!

У Дачэна даже возникла мысль, что хорошо было бы, если бы Тяньмэй вообще отказалась от мыслей жить в одном с ним месте в этой жизни. Нет, о том, чтобы «отправить в отставку» Тяньмэй и взять себе жену из студенток, он не думал. На самом деле он просто не хотел, чтобы эти по своему уровню и критериям в целом культурные, образованные, духовные студентки и коллеги по работе женского пола, с ним общавшиеся, видели бы его деревенскую жену. То есть он признавал как факт, что женат, что у него есть жена – и теоретически, и юридически, и в домоводной книге это записано.

Однако в обычной жизни ему не хотелось раскрывать перед другими подробности своей женитьбы и семейной жизни.

Начав работать, он написал Тяньмэй, что в Н-ске никак нельзя получить прописку, а если даже и прописаться, то негде жить.

У него было внутреннее чувство, невысказываемое, такое, которое он не хотел, да и не имел смелости признать. Он приехал в новое место, приехал как выпускник высшего учебного заведения, в таком вот качестве. А за ним хвостом – женоушка и еще дети? Нет, он не мог перед всеми предстать в таком виде. Тут надо понимать: выпускники высших учебных заведений, вместе с ним громко кричавшие: «Мы поедем в далекий край! Мы поедем туда, где трудно! Мы поедем туда, где мы нужны нашей Родине!» – все они были еще неженатыми девушками и юношами.

И потом, это был предгрозовый 1965 год – с начала Движения 4 мая 1919 года миновало уже сорок шесть лет, уже тридцать четыре года назад был издан обличивший кровь, пот и слезы феодального брака по расчету роман Ба Цзиня «Семья». Это был год семнадцатой годовщины образования Китайской Народной Республики. А он, оказывается, – мелкий жалкий червь, прячущийся под одеяльцем феодально устроенного родителями брака по расчету! Если даже человек, во второй год правления под девизом⁸ Сюаньтун (это

⁸ Начиная с эпохи Хань (206 до н. э. – 220) китайские императоры правили под девизами, краткими изречениями, которые символизировали эпоху их цар-

1910 год, на всякий случай) кастрированный ради того, чтобы стать главным придворным евнухом, уже был предельно жалок и смешон, то даже представить невозможно, как же выглядит его, Дачэна, судьба: уже минуло десять лет от образования КНР, а отец и мать приписывают ему фиктивный возраст, устраивают брак по расчету, обрезая ему раз и навсегда величайшее чудо и волшебство юной весны – возможность испытать любовь!

Какая-то женщина родила ему двоих детей, но он совершенно не имеет желания жить с ними всю свою жизнь!

Додумав до этого момента, Дачэн снова ощутил, насколько он виноват перед женой и еще больше – перед детьми, почувствовал себя сбившимся с пути глупым верблюдом, ослом, козлом, бараном... Однако же, если при этом не рефлексировать по поводу своего брака под углом зрения новой и современной истории, с позиций Движения за новую культуру⁹, если забыть про Четвертое мая, Лу Синя, Ба Цзиня, и думать только о детях, то... – ставший отцом Фу Дачэн залился слезами.

Звуки громкого плача малюток разрывают на части существования. Девиз провозглашался при восшествии на престол и служил точкой отсчета соответствующего периода правления.

⁹ «Движение за новую культуру» – массовое движение середины 1910–1920-х годов, возникший как реакция на неудачу демократической революции 1911 г. и Китайской республики, основанной в 1912 г. В рамках этого движения китайская интеллигенция, разочарованная в традиционной культуре и классическом конфуцианском образовании, призывала к созданию новой культуры, ориентированной на мировые и западные стандарты.

це молодого папы, у которого самого молоко на губах не обсохло. Крошки-детишки так очаровательны, они такие смышленные, такие ангелочки! Он подумал о своем холодном бессердечном решении еще от 1961 года: сразу после поступления в институт жить в другом месте, отдельно от жены и сына с дочкой – и сейчас же признал себя преступником.

Он о жене-то думает вообще? Да он просто не в себе! – о ней, белой, сладкой, красивой, большой, теплой, мягкой, заботливой... Ведь это все наносное, постыдное, лишнее, ничемное! Что же с ним такое?

Больше четырех лет с момента приезда в Н-ск пролетело, а Дачэн под разными предлогами даже на Новый год не ездил домой, и был за это выдвинут в передовики – в категории «тот, кто и в праздники на своем посту».

В 1969 году отец с матерью заставили своего внука Сяолуна – Маленького дракона – написать от их имени письмо, в котором предупредили Дачэна: если он опять на Новый год не приедет, то они впятером, всей семьей приедут к нему в Н-ск, а негде будет жить – на улице сдохнут от холода.

Тогда только Дачэн в первый раз за все время поехал из Н-ска домой навестить родных.

В итоге он собственными ушами услышал, как его восьмилетний сын сплошь и рядом неправильно читает иероглифы: вместо «прожектор» – «продектор», вместо «загородный дом» – «задорожный дом», не «приглашение», а «заглашение», «неприятель» то делается «кролиководом», то «от-

пускателем», «прийти на выручку» читается как «притащить меч», «несокрушимое мужество» – как «нерушимый муж».

Дачэн от таких вольностей Маленького дракона был бы готов взорваться, но за всей сыпавшейся изо рта сына кашей Дачэн сразу же разглядел, что у ребенка – природные способности и страсть к книгам.

Имя сына было Сяолун, дочери – Сяофэн, когда пошли в школу, их стали называть Алун и Афэн. То, что Сяолун то и дело переиначивал чтение иероглифов, показывало, что ему читать очень хочется. Даже если иероглиф незнаком, он все равно пытается дочитать до конца. Торопясь и запинаясь, он пересказывал отцу остросюжетные романы «Алмаз в жарком пламени» и «Дикий огонь и Весенний ветер сражаются в Старом городе», наизусть декламировал «Триста танских стихов» и «Девочку со спичками». А это последнее произведение, вообще-то, из учебника «Язык и литература для шестого класса» издательства «Народное образование».

То есть Сяолун, который был еще только в третьем классе, уже смог запомнить и пересказывать наизусть эту трогательную сказку, причем так выразительно, особенно финал, что слезы подступали к глазам. Дачэн стал думать о собственном страстном увлечении литературой, о своей мечте стать писателем и поэтом. Кто знает, может ему суждено создать неразрывную связь поколений? Как Су Сюнь и Су Ши, Янь Шу и Янь Юдао, как Дюма, старший и младший...

Еще поразительнее было то, что через три дня после

возвращения Дачэна домой маленький Сяолун вдруг выдал готовое стихотворное приветствие приехавшему родителю. После ужина он быстренько вскарабкался повыше, на кровать, и стал громко декламировать всей собравшейся семье:

Папа домой приехал,
Папа привез мне ватную куртку,
Папа сказал, что я – маленькое сокровище,
Папа хвалит мою учебу.
Мама... мама такая добрая,
Мама всегда мне финики варит,
Мама говорит: «Ты – большое сокровище,
А маленькое сокровище – это сестренка».
Моя сестренка очень послушная,
Моя сестренка – всех лучше!

Дачэн был поражен: практически идеально, придраться не к чему, Сяолун просто чудо! Особенно про ватную куртку: куртка вообще-то для мамы, то есть по факту не так, но – как бы это сформулировать – у Сяолуна в его восемь лет уже есть и художественный вымысел, и поэтический умысел, и сюжетный замысел, и переносное употребление!

Спустя тридцать лет, вспоминая этот детский шедевр Сяолуна, он бы даже, пожалуй, добавил: только по одному этому примеру вполне можно было судить, что литературный уровень его сына повыше будет, чем у Чжан Айлин, или Эйлин Чанг, как она сама себя называет. Этот ребенок, без-

условно, природный талант, самому ему это решительно ясно, однако говорить этого нельзя. Такое сказать вслух было бы не к добру, это было бы неосмотрительным вызовом Трем великим стихиям – Небу, Земле и Миру людей...

Все-таки он сказал Тяньмэй. Тяньмэй сдвинула брови. «Да он всегда такой был». И добавила: «Не надо, чтобы он уже с малолетства себя изнурял, в крестьянской семье так не должно быть». Радостные речи Дачэна для Тяньмэй были только вываленной на ее голову грудой старых, нелепых понятий и категорий; она ощутила некоторое беспокойство.

«Маленький феникс» Сяофэн была младше брата всего на один год. Она слышала, как Сяолун на память декламирует отрывок про «Девочку со спичками»: малышка ходила по улицам босиком, от холода ноги у нее покраснели и посинели; в ее стареньком переднике было много спичек, и еще горсть спичек зажата в руке; девочка так ходила весь день, но никто не купил у нее ни одной спички, никто не дал ей ни одного гроша... Тут Сяофэн не выдержала и громко выкрикнула несколько раз: «Согрейте ее! Согрейте! Согрейте же!» А сельские произносили «согрейте» проглатывая гласные и слегка в нос, получалось что-то вроде «згрейте» или «взгрейте».

Сяофэн видела папу первый раз после долгой разлуки, к тому же много раз слышала, как брат читает про маленькую замерзающую на улице девочку и, похоже, на эмоциональном подъеме выдала собственный комментарий – по-

требовала «взгреть» ее, да еще с прямо-таки социалистическим революционным накалом, как лозунг, обращенный ко всем эксплуатируемым классам, жаждущим освобождения. Она все повторяла свое «взгрейте!», а папа стал вскидывать вверх правую руку – в такт призыву – и вторил «взгрейте! взгрейте ее!» Получалось складно, и он расхохотался.

Папе даже пришло в голову, что его дочурка, можно сказать, естественным образом, от природы – стихийный гуманист и коммунист. Потом Маленький феникс вдруг рассыпалась смехом, как серебряный колокольчик – словно это был порыв прохладного ветерка, связка звонких бубенчиков, маленькая птичка, раскачивающаяся на тоненькой веточке, словно чистый горный ручеек.

Дачэну подумалось: тот, случившийся десять лет назад один миг мечты, ощущение весеннего ветра, принес ему снова детский волшебный голосок птенчика феникса – значит, прекрасное не только в воспоминаниях. А все воспоминания навечно остаются в сердце человека, и пока есть человек – есть его воспоминания, воспоминания это и есть человек! А люди разные потому, что их воспоминания неодинаковые. Время течет неостановимо – и дни, и ночи – и вместе с ним новая жизнь пускает свои ростки. Жизнь вечно жива, свежа, чиста и прекрасна! Звуки смеха разлетаются с ветром, порхают, кружатся, а потом новый смех прилетает к тебе откуда-то, именно тогда, когда ты не ждешь. Он сам выбирает свой путь, ему нет нужды подстраиваться под ветер. А сме-

ху не надо дожидаться поэта – смех сам слагает свои стихи. Закон *Пути* – естественность, стихи тоже рождаются сами, и самое естественное это, конечно же, смех.

В этот раз Дачэн даже увидел что-то похожее на улыбку на лице Тяньмэй.

И улыбка ее тоже была загадкой – то ли была, то ли не было ее. Ну вот такая она, его женушка Тяньмэй... Дачэн чуть не пустил слезу.

Часа через два с лишним Тяньмэй вдруг сказала: «Вижу, как ты любишь детей. Теперь я спокойна. Этим летом я привезу их в Н-ск, будем жить все вместе. Тебе очень тяжело, зачем...»

Слова Тяньмэй упали четко и звонко, и Дачэн замер в испуге – деваться ему, похоже, было некуда. Он сказал: «А отец, мать... а как же с ними-то? И потом, там, в Н-ске, мы... где жить будем?»

В ответ Дачэну была решительно поднятая голова Тяньмэй, и еще холодный смешок, и еще оценивающий взгляд, которым она смотрела на супруга. У Дачэна в сердце образовалась пустота, он не смел поднять головы, не осмеливался прямо посмотреть жене в глаза.

Дачэн никак не мог принять осознание того, что у жены все уже определено и отформатировано. В Н-ске он, конечно, прятался от жены четыре года, стыдясь ее и думая о ней как о душевном расстройстве. При том, опять же, не сказать чтобы не строил сладких мечтаний о близости с Тяньмэй.

Когда через четыре года родители заставили его приехать, он, как и должно было быть, заключил ее в свои объятия, хотел ее и по поводу их с Тяньмэй образовавшихся сына и дочери счастливые, теплые, растроганные слезы тут и там проливал. Тоже было.

Но главное, что за детей он переживает. Дачэн хорошо знает сельское золотое правило семейной жизни, то самое, испокон веков идущий закон нравственной самодисциплины. Народ на селе всегда верил в его железную логику: если мужчина и женщина – супруги, хорошо ли плохо ли, хоть по-красивому, хоть через пень-колоду, но живут вместе, родили и растят детей, то какие уж тут могут быть позорные выверты и жалкие мерехлюндии?

Все, что говорить не положено, сказано, все, чего с другими делать категорически нельзя, да и не позволят такое они выделять, сделано, что уж тут говорить. Что теперь еще можно придумать? Без отца или без матери детям-то какво, чем они виноваты? Этого даже в рыбацкой деревне среди чешуи и хвостов люди не понимают разве? Болееешь о детях – должен и о матери их подумать, кто же этого не понимает. Женщина болеет за детей – это значит и за их отца тоже... Если о детях думаешь, то надо как положено чтоб было, не иначе, так ведь? По-настоящему о детях думаешь – должен, значит, и о семье заботиться, нет? И мужчина, и женщина, у которых любовь к детям и боль за них в кость врезана и на сердце пропечатана, могут разве при этом стать

подлым распутником или развратницей, негодяем, злодеем, бандитом каким-нибудь, мерзавцем-пьяницей, погрязнуть в азартных играх, лодырничать?

Особенно если со стороны женской судить: кроме любви к детям, чего еще от мужа требовать? Болеет за детей – значит в семье порядок, значит о тебе тоже переживает, значит чист сердцем и верен долгу. Думает, беспокоится о детях – стало быть брак счастливый, хорошая судьба, счастливая звезда высоко сияет и светит тебе. А по-другому сказать: главное, чтобы не был он как развратник Симэнь Цин, как вероломный Чэнь Шимэй, как какой-нибудь распутный бражник, порхающий с цветка на цветок, из романа «Три героя и пять праведников», а она – не была бы как Пань Цзиньлянь, Янь Поси или Пань Цяюнь!

После, вернувшийся к месту работы в Н-ск, укрывшийся наконец от семьи своей, остывший, он может только всеми силами и средствами, как девять быков и два тигра, стремиться мыслями к родным своим, ждать их, готовиться встретить и принять их. Он сам себя не может уговорить, сам решиться и окончательно определиться не в состоянии, сам себя понять не в силах. Чего же в конце концов он хочет?

Вернувшись в свой Н-ск, Дачэн пошел к начальству. Раз пошел – не получилось, с этим не вышло – пошел к другому. В пору политических движений слова начальства ничего не значили, поэтому пошел в ревком и в отряд рабочих-пропагандистов.

Он был на эмоциональном подъеме, ежедневно напоминал себе про Сяолуна и Андерсена, дочку и спички, снова и снова – про девочку, замерзшую до смерти в Копенгагене, и – эх! – счастливо живущих, вообще-то, маленьких Дракона и Феникса. Пошел в универмаг, купил Алуну ватную куртку, чувствовал себя богачом, хотя пока еще не надел ее на сына, не дал ему тепла – не «взгрел»...

У него хорошее происхождение, он из революционных народных масс, он – не из *идуших по капиталистическому пути, облеченных властью*. Его жена тоже – из упорно и тяжело работающих тружеников, трудящихся – работает каждый день минимум пятнадцать часов; а семья ее – зажиточные середняки, а не богатые крестьяне-кулаки, и не землевладельцы-помещики. Политические движения они как огонь, как волны камыша от сильного ветра, их жар поднимается до самых облаков...

Дачэн понемногу приходил к осознанию, что семейный союз с Тяньмэй сложился удачно. Рассуждал: вот в их с Тяньмэй браке, наверное, недостает или совсем отсутствуют «Ромео и Джульетта», «Пионовая беседка», «Анна Каренина»...

Ну не было у них нетерпеливого ожидания восхода месяца у Западного флигеля и *ветерком приоткрытой калитки в саду*...

«Ветер качает тени цветов на стене... Уж не идет ли ко мне друг мой милый?...»

Да, не хватает маленькой ночной серенады, ночной иволги, аромата роз и атрибутов нежных чувств в китайском стиле: нефритовых браслетов, иссиня-черной пряжи волос...

И что, без этого нет любви? Она какая-то не такая? На сельском кане «взгретая», но все равно детки – звездочки, святым духом, ангелочки, посланцы Неба...

А еще главное тот умиротворенный покой, какого нигде кроме как дома. Не найдя в себе места для современной любви, бросаются в объятия ангелу, а не найдя в собственной жизни Андерсена, по-настоящему, наяву «взгреваем» друг друга.

От таких мыслей, самым придуманных фраз – горячие слезы в глазах. Представляется в воображении, будто слышится в ответ гром бурных аплодисментов, и он сам себя поздравляет с тем, что не попал ненароком в «Историю Белой змейки»...

Белая змейка Бай Сучжэнь, кстати, тоже по фамилии «Бай». Почему-то вспомнив «Историю Белой змейки», он сразу подумал о Тяньмэй. Хотя ему нет необходимости, как в той легенде, сражаться ни с монахом Фа Хаем, ни с преданной долгу Сяо Цин – она же Сестричка И, – а тем более опасаться, что однажды, выпив глоток вина, он увидит, как жена превращается в ослепительно белую змею-удава.

Это не каждый день бывает, чтобы внешне рядовой и телосложением обыкновенный, отнюдь не выдающихся геройских качеств китайский парень мог бы взять в жены такую

сияющую белизной, красивую, прекрасную, здоровую крепкую и работающую женщину. Что там ни говори, Бай Тяньмэй горяча, упруга, мягка, как шелк – натянутый, гладкий, эластичный и нежный на ощупь. Смехом дополнит ее Сяофэн, грамотностью и талантами подтянет вверх Сяолун. Путь Неба в постоянстве, кто постоянен тому – добро, Инь и Ян будут в гармонии, Небо и Земля умягчатся, сольются, друг друга поддержат и жизнью наполнят.

А Дачэн это не Гао Цзюэминь и даже не Гао Цзюэсинь в «Семье» у Ба Цзиня, а Бай Тяньмэй это вам не сестра Цинь и не их младшая Поющий феникс, Минфэн... Тяньмэй чем та же, к примеру, Минфэн, счастливее в сто восемьдесят девять раз! И сам он, Фу Дачэн, ни капли не похож на того другого господина – в смысле на увлекшего и погубившего Анну Каренину графа Вронского – и уж конечно не прельщает его участь Нехлюдова, раз по пьяни ставшего насильником и каявшегося потом всю жизнь... Конечно же, он, Фу Дачэн, не простой парнишка Продавец масла, и Бай Тяньмэй – не блистательная Фея цветов; он при этом, однако, не У Далан, а она уж точно не коварная Пань Цзиньянь, даже и не сравнивайте! Да, не прекрасная Сиши, но и не плюгавенькая Дунши. А это значит, это значит, значит... Да что он в конце-то концов все это на себя примеряет?!

Благодаря политическим движениям он понял, что должен быть – и это единственное, чем он может быть и чем очень кстати и является – обычным рядовым представителем

народных масс Фу Дачэном со славной табличкой на груди: «Революционные массы». Его же жена уже является – конечно же уже является, и совершенно точно является – тружеником, мастером, она настоящий *шифу* – Фу-Бай Тяньмэй! Каждый отдельный человек является собой и только собой, вот что называется смирением и покоем. За смирением идет самоограничение и самоконтроль, за самоконтролем наступает успокоение сердца. Со спокойным сердцем можно понять причины и истоки. А понимая, держаться подальше от бед. Отдались от бед – счастье и долголетие низойдут на тебя.

Он должен благодарить Тяньмэй. Она сделала его не по возрасту взрослым, зрелым, готовым уравновешенно и спокойно принять свою долю, не впутываться в протесты, которые *дело правое*, ни в словесные либо силовые битвы, ни во всякие группы «обучения великому единению», ни в бунтари-*цзаофани*, ни в подручные партии «за императора» или «указующих путь» – все они в итоге плохо кончили. Кстати, обошедший его на карьерном поприще Чжао Гуанцай-то, говорят, в своем приморском большом городе попал под раздачу, да так, что не до веселья – били сильно и теперь оглох на одно ухо. Он же, с фамилией Фу, ни к крупным ни к мелким «идущим по капиталистическому пути» не относится, «буржуазным авторитетам» не сопричастен, до Чжао Гуанцая и то не дотягивает. Ему трястись не из-за чего, нет на нем никакой вины, он чистыми открытыми глазами смотрит

на мир...

...Оглядываясь на несколько предыдущих лет в Н-ске: жившие в его общежитии для холостяков молодые мужчины нередко являли странности, особенно когда возвращались глубоко за полночь, едва успевая к общему подъему; столкнувшись друг с другом в туалетной комнате, то и дело зевая, любили поговорить про то, что де «вот захотелось расправить крылья», «рвануть хоть разок», поминали каких-то там «богинь милосердия», рассуждая, что «в свои тридцать она – волк, в сорок – тигр, а в пятьдесят – леопард»... Конечно, ему нужна Тяньмэй. Чтобы, может быть, вместе петь романсы, может быть, писать друг другу любовные стихи, говорить нежные слова. Ведь не обязательно же – «сестричка», пусть будет и старше, вон в «Пионовой беседке», например, только и слышишь – «сестра» да «сестра». И не надо оглядываться на старые книги и иностранные тоже, на все, чему учили, – какая разница, откуда и почему это все. Не нужны ему разные из древних книг типа «Троецарствия» Дяо Чани или Кармен от Мериме, не надо пытаться ассоциировать себя с ними. С Тан Боху или Дон Жуаном не надо соревноваться из кожи вон. И потом, раз уж наши соотечественники единоутробные начали обновлять свое мировоззрение, ускоряться по части собственного облика, хотят исполнить тройной прыжок – пускай! Он-то ясно понимает: пока ты учишься в старших классах, разве можешь хоть в большей, хоть в меньшей степени быть свободным от этой жизни и от родной

почвы, от женушки Тяньмэй, от воли отца и матери, от суждений односельчан?

Коллеги видели, как он хочет, чтобы жена приехала; старое начальство по памяти ему приводило из классики про то, что, мол, старому положен упокой, крепкому должно давать применение, малому надо расти; одиноким и вдовам, и сиротам, и увечным должна быть забота, мужу – дело, жене – кров... Все как писано в «Ритуалах»¹⁰. Вдыхали: сколь велико понимание было у людей древности – ежели не грудятся вокруг отца с матерью дети, то воистину подобны те будут вдовцу и вдове, одиноким сиротам, калекам увечным и хворым, ввергнутым в чащобу бед и пучину волнений! Еще, по крайности, со времен чжоуского Вэньвана, имя которому было Цзичан, – а это с 1152 года до новой эры по 1056-й – мудрые уже озаботились тем, как следуют Путем естества и темное Инь, и светлое Ян, и Небо – Цянь, и Земля – Кунь. Или вот, например, кукушка кукует – что это значит? Тут на севере люди верят, что в ее весеннем приятном для слуха птичьем пении слышится: «Одинокому – плохо! Одинокому – плохо!»

¹⁰ Имеется в виду Ли цзи («Записки о ритуале») – один из важнейших канонических трактатов конфуцианства, составленный в IV–I вв. до н. э.

Глава 4. Покой и счастье на фоне бурных лет

Как раз в то самое время, когда Тяньмэй с детьми была готова на всех парах мчаться к мужу, дедушка с бабушкой слегли и уже не вставали; вернувшийся из родных мест в Н-ск Дачэн не пробыл там и месяца, как пришлось ехать обратно в уезд Биньхай, в свою рыбацкую деревню, прощаться с уходившими из жизни родителями.

Отец с матерью все время повторяли сыну и невестке: «Живите хорошо, ладно, вместе, так будет правильно!» Сын и невестка со своей стороны дали прощальное твердое обещание: будем растить детей, останемся вместе до старости, до седых волос... Когда Дачэн обещал близящимся к концу жизни отцу и матери жить с женой в согласии, сын Алун и доченька Афэн понимающе глядели на родителей, на уходящих навсегда дедушку с бабушкой и непроизвольно то и дело кивали в знак одобрения, поддержки, сочувствия, желания, чтоб все так и было.

Дети видели, что между родителями есть проблемы, даже когда были еще совсем маленькими. Такая их чувствительность была понятна Дачэну, он ее замечал, и сердце его наполнялось нежностью и печалью.

В 1970 году зарплата сотрудников в Н-ске, по нормам приграничных районов, была вполне приличная. Дачэн сам по-

нимал, что получает немало, а в этот раз по семейным обстоятельствам на работе еще и дали материальную помощь сто двадцать юаней. Впрочем, отцу и матери это было уже не важно. Пока ты в мире людей – самое главное, что надо успеть, это отдать долг уважения родителям, и ждет тебя самая большая печаль и муки совести, если не успел.

Дерево хочет покоя, но ветер дуть не перестает. Хочется детям быть рядом с родителями в их старости, да только те этого дожидаться не смогут. Как все же точно и тонко сказано, какое сочувствие и любовь слышатся в этих словах Конфуция!

Дачэн в это время был довольно сильно занят – работал переводчиком на приграничных встречах. Съездить туда и обратно вышло всего-то четыре дня, но потратить пришлось три месячные зарплаты. Он вспоминал, как отец с матерью нашли ему невесту, как они с женой родили и вырастили сына и дочь, и сердце сжало. Он решил, наконец, что будет с женой и детьми, никогда с ними не расстанется, не бросит, что будет любить их до конца своих дней. Думал о родителях – как они по-родственному устроили его семейную жизнь. Весь Китай – это семьсот миллионов человек, это поколение за поколением, подумать только... Дед твоего деда, прадед твоего прадеда составляют самый многочисленный во всем мире народ, семьсот миллионов человек – откуда они все взялись?..

Через два с лишним месяца Тяньмэй с Драконом и Фе-

никсом явились в Н-ск. На время они поселились у Дачэна на работе: *«Доедем до горы, а там видно будет, куда путь повернет»*. Спустя еще три месяца, они въехали в новое жилье, за которое в месяц платить надо было всего-то девяносто два фэня; еще чуть больше двадцати фэней за воду и семьдесят с лишним фэней за электричество – двухкомнатные хоромы, тридцать два квадратных метра в одноэтажной постройке...

Ах, бедной семье есть о чем погрузиться —
За то и за это придется платить!
Но все-таки здорово, как ни крути, —
В далеком, чужом городке
Сидеть у печурки и в тесном кружке —
Огромное счастье найти!

Город Н-ск – это не деревня: за что ни возьмись, за все надо платить. Вместе с тем Н-ск – это и не в полном смысле, не совсем уж настоящий город. Он не полностью охвачен торговой инфраструктурой и сетью социальных услуг, так что если что-то тебе нужно – сам бегай, сам делай, сам доставай. И они сами сложили печку, чтобы готовить, сами выкопали погреб, чтобы хранить припасы, сами пилили и сколачивали лавки и табуреты, навешивали полки, плели из веревок циновки, кроили и шили себе обновки, кур завели, чтоб те яйца несли. Они с карточками в руке стояли в очередях за зерном, с карточками в руке прокрадывались через заднее крыльцо, чтобы купить мяса. Это же далекий приграничный

Н-ск: бывает, что талоны есть, а мяса – нет.

Они мешками покупали арбузы и везли их домой, навьючив на велосипед, они белили комнаты, оклеивали стены обоями, чинили отопление, сами установили маленький бойлер... В глазах Бай Тяньмэй все старые ненужные вещи были драгоценными, а все трудности лишь указывали направление, чтобы улучшить жизнь и наслаждаться ею.

Особую гордость вызывало у Дачэна то, что с помощью коллег по работе, подбадриваемый Тяньмэй, пользуясь размахом политических движений, от которых прежнее руководство в полном составе впало в ступор и у людей образовалось много свободного времени, которым они сами могли распоряжаться, он устроил мастерскую по ремонту велосипедов! Набрал разных инструментов и приступил: выпрямлял «восьмерки», латал шины, правил рули, затягивал спицы, чинил вилки, седла, корзины, брызговики, ободы, цепи, втулки, подшипники, рамы. Все делал сам, осваивая по ходу разные тонкости этого дела, а заодно и марки: «Летающий голубь», «Вечность», «Красное знамя», «Производство», «Феникс», а также английские – «Синий колокольчик», «Голова феникса», «Филип», еще «Бриллиант» с реверсным ходом педалей из Восточной Германии.

В то время в тех местах как для людей в массе, так и для абсолютного большинства кадров и руководства велосипед был главным транспортным средством. В народе про велосипед говорили «мой верный конь», на одну семью прихо-

дилось аж до четырех велосипедов, а на старой разбитой машине гоняли на расстояния в десятки километров, а то и за сотню. Если взять семью Дачэна, например, то когда было надо, или он, или Тяньмэй садились за руль, Сяолуна либо Сяомэй сажали спереди на раму, жена или он сам садились сзади на багажник, обхватывая руками другого ребенка, которому места на раме уже не оставалось. Для грузового с усиленной рамой велосипеда «Вечность» максимумом было двести семьдесят килограммов груза в двух мешках, связанных между собой, перекинутых через задний багажник и свисающих до земли по бокам. От этого центр тяжести перемещался вниз, и велосипед двигался непривычно устойчиво: и захочешь – не упадешь, даже если специально постараться, все равно не опрокинешься. При этом из-за ужасного состояния дорог и постоянных перегрузок велосипед раз в три дня выдавал мелкую поломку, раз в пять дней ломался по-крупному. Если позавчера лопнула шина, то завтра шла трещинами передняя вилка. А за месяц ломались оси, летели спицы, рвались цепи и все, что только можно.

Если говорить о склонном к возвышенным вещам типа печатания стихов и од, рассказиков и миниатюр составителя информационных докладов Фу Дачэне, то он чем дальше, тем больше входил во вкус. Как говорится: «Вода прибывает, плотнее трамбуйте дамбу» или «Пошли полки, вперед выходят генералы», – чем больше он прилагал усилий, тем лучше спорилось дело. Он ощущал в себе все больше энтузиаз-

ма и сил и был готов претендовать на звание «всего города велосипедных дел мастер Фу». Дачэн не просто сам чинил собственный велосипед, но также еще и обычно без платы делал это для коллег по работе и разного рода начальства, чем являл другим великодушие и широту понимания долга и справедливости, сам при этом получая радость от помощи людям.

О том, что ради правого дела стоит развязать кошель, говорили еще древние, а в современную эпоху, если конкретно о Дачэне, то посильный вклад в великое и справедливое он делал своим умением чинить велосипеды, иногда дополняя эти инвестиции кое-какими нужными деталями. Только на данном этапе уже значительно и в лучшую сторону изменилось впечатление масс о товарище Фу Дачэне, улучшились личные отношения, как и общественное мнение о нем в целом, установились нужные связи. Комитет по *Великому единению* в организации Дачэна определил его в активисты и назначил выступать с рассказами о том, как изучение трудов Мао и пример Лэй Фэна повысили его личную сознательность и привели к правильным поступкам и правильному пониманию в плане починки велосипедов для всех. Сотрудники и работники в его организации говорили о товарище Фу, не скрывая одобрения: «Да уж, это, можно сказать, наш удалец-молодец!»

А вначале, в 1966 году, когда началась политическая движуха, приехавший только что в Н-ск к месту работы Фу

Дачэн по причине написания в свое время буржуазных и мелкобуржуазных литературных произведений был обвиняем в «подбрасывании отравы», как поступали уже такой-то и такой-то, и не минул он некоторых неприятностей. Лишь много позже, когда он занялся самообразованием, добился заметных успехов в деле починки велосипедов и тем внес свой вклад, значительно улучшив все-все-все, – и не будем забывать о корнях, происхождении из бедняков и беднейших середняков – он сблизился и примкнул к своим классовым братьям – рабочим, со всеми установил тесные и искренние отношения. В доме – книги, а в душе – богатые залежи прозы и стихов, что намного лучше, чем пыльный шлейф обыденной вульгарности. Дачэн по сути являет образчик *созидательного труда*, строящего этот мир на принципах и основаниях *исторического материализма*, и одновременно – формирующий его образ рупор.

Аналогичным образом вся интеллигенция, выучившаяся в ходе политических движений столярному ремеслу и сколачивавшая мебель, обучившаяся готовить и стряпавшая для самых разборчивых едоков, освоившая радио и в домашних условиях собиравшая ламповые приемники, овладевшая мастерством каменщиков и глиномесов, возводившая стены и настилавшая крыши, обучившаяся электрике, сантехнике, малярке, приобщалась к физическому труду, перековывалась. Так что таких, как он, в те годы было немало.

Время и ситуация рожают героев, бурные потоки исто-

рии возносят их на своих волнах. Так было и в древности, и сейчас.

Благодаря своим умениям и энтузиазму приехавшая из деревни Бай Тяньмэй через какое-то время стала в Н-ске даже более известна, чем супруг. Ее приезд полностью изменил распорядок жизни и сам облик Дачэна. Она прошлась по его гардеробу, привела всю одежду в порядок, подшивая, ушивая, латая, – и все стало ладным и аккуратным. Носки Дачэна были разобраны по парам, не как раньше, когда он частенько надевал один длинный, а другой короткий, один – из плотной, а другой – из тонкой ткани, новый со старым, коричневый с синим. Не надо забывать, что в одежде все должно быть прекрасно, – в том числе и носки – что время быстротечно, а молодость коротка. Короче, каждый носок обрел в итоге свою пару, и не надо было им больше томиться в разлуке и тратить время в поисках друг друга.

Волосы Дачэна также подвергались регулярному контролю и уходу со стороны Тяньмэй, степень их чистоты и опрятности существенно повысилась.

«Тебе ведь нравится служанки молодой иссиня-черный локон? А мне так больно, что растрепана прическа господина».

Не хватит денег, чтобы каждый день ходить в салон (модельных причесок). Возьмусь-ка я за деревянный гребень, пусть он командует: «Растите густо, не седейте!» Для здоровья полезно, и настроение улучшается. Гребень пройдет –

это перемены к лучшему верный сигнал, десять тысяч лет пылай, красный революционный запал!

Несмотря на то что в Н-ске бани работали не всегда и помыться часто было негде, Дачэн тем не менее ходил на службу с чистым свежим лицом, за ушами и на шее как впереди, так и сзади не было ни пылинки, ни складочки, ни морщинки. Здоровая чистота – это прекрасно! И не купался, а словно из бани.

Вроде бы обновок не стало заметно больше, однако на Дачэна было приятно посмотреть: волосы, уголки глаз, кисти рук, ладони, воротнички, рукава, пуговицы, края одежды и штанин, ремень и даже пупок, никогда не выставаемый на всеобщее обозрение, – все содержалось чистым, опрятным, свежим и бодрым.

Еще важней была искусность Бай Тяньмэй в приготовлении пищи.

В деревне, где главными были старики-родители, она все эти одиннадцать лет сидела тихо, не являя себя в полной красе – дешевый чай, обычная еда. Меньше съедим – больше сэкономим, утолить бы голод и ладно. Но вот переехали в город, в Н-ск, где Дачэн получает зарплату каждый месяц наличными деньгами, да еще Тяньмэй привезла с собой собственные трудовые накопления – шесть тысяч триста семьдесят с лишним юаней! Огромная сумма. Дачэн, можно сказать, сердцем вздрогнул и в душе похолодел. Тяньмэй же от природы умелица, и учителей ей не надо, все на лету схва-

тывает. Один раз услышит – сразу понимает суть, раз увидит – вмиг поймет, в чем секрет, только возьмется что-нибудь делать – и сразу все получается. Известно, что смысл жизни у народа в еде, это как в родословной записано, и уж тут учет успехов и промахов идет до последней мелочи.

Сообразив, что к чему, Дачэн помчался в книжный «Синьхуа» и купил два больших тома: «Знаменитые блюда китайской кухни» и «Рецепты для предприятий общественного питания» – для расширения кругозора, повышения культурного уровня, и опять же с целью использования по назначению: для вкусной и здоровой пищи. Радости Тяньмэй не было предела. В условиях постоянного дефицита, когда нет то того, то другого, Бай Тяньмэй с никогда не изменявшей ей женской проницательностью действовала сообразно обстановке: тут отнимала, там прибавляла, пользуясь тем, что есть под рукой, проявляя находчивость и сноровку. Словно фокусник: махнет налево, махнет направо, и яства явятся, как в сказке, право! Домашняя обыденная еда под легкими движениями ее рук превращалась в лакомство, тающее во рту.

Пока не была еще подыскана ей работа, было свободное время, и она, пользуясь этим, постоянно подбивала Дачэна звать коллег, приятелей, чтобы посидеть тесным кружком, слегка перекусить, или на серьезное застолье – с холодными закусками, горячими блюдами шаньдунской, сычуаньской, дунбэйской кухни, с разливным самогоном или с магазинной

водкой из гаоляна, или со знаменитым желтым шаосинским рисовым вином в резных кувшинчиках, а иногда и просто с обжаренным арахисом и креветочными чипсами на столе.

Готовила она прожаренные в кипящем масле с хрустящей корочкой тефтели, тефтели, вареные в бульоне с приправами, и тефтели, тушеные в густом соусе; а также мясо, нарезанное тонкими ломтиками и обжаренное на сильном огне; томленное мясо, нарезанное маленькими кусочками; мясо с морскими ароматами, приготовленное на пару и выложенное на прозрачную бобовую лапшу; поджарку с замаринованной и провяленной сурепицей и мясо, обжаренное с бобовым творогом доуфу.

Она делала и более практичные повседневные блюда: просто капусту, просто отварное мясо, лапшу, просто доуфу и «побеги бамбука» из корочки доуфу; а еще она делала начинки из сушеных овощей, из маринованных овощей, из соленых и из свежих овощей, из чечевицы и из фасоли, и начиняла пампушки, лепешки, вареные пельмени и пельмени на пару.

Варила супы с клецками, с вручную тянутой широкой лапшой, с выдержанным в соленой воде тонко раскатанным тестом, нарванным вручную на кусочки, с обжаренными маринованными овощами. Все меню приветствовалось радостно и шумно, никто никогда не отказывался.

В особенности всех поразило, что Тяньмэй сама, без чьей-либо помощи овладела искусством приготовления су-

хих мясных хлопьев. Тогда мясо покупали по продуктовым карточкам, но проблема была в том, что в Н-ске мясные лавки стояли совершенно пустые: талоны есть, а мяса – нет. Как-то раз вечером им через «черного» мясника-сычуаньца удалось-таки достать свиной корейки – двадцать один *цзинь*. Мясо отварили, чтоб не испортилось, и для сохранности каждый день снова ставили на огонь и доваривали. Через пять дней осталось с полкотла жирного бульона с мясными крошками. Тяньмэй проявила инициативу – выпарила оставшуюся воду, насыпала немного муки для связывания жира, потом положила чуть-чуть кубинского коричневого сахара, понемногу добавляла мандариновой и апельсиновой цедры, сиропа из лепестков розы и цветков коричневого дерева, постоянно перемешивала – и в итоге выкристаллизовались воздушные хлопья сушеного мяса. По качеству и соблазнительности внешнего вида, по своей свежести это намного превосходило все похожее, что можно было найти в магазинах. Далее опыт был распространен и расширен – на говядину, баранину, птицу, рыбу. Из них тоже получались воздушные хлопья, а поскольку в этих видах мяса жира меньше, чем в свинине, то и муки надо было класть меньше или можно было не добавлять совсем, тогда мясные хлопья становились мягкими и нежными. После дегустации гости дали Тяньмэй высшую оценку за мастерство и изобретательность.

Все говорили, что Тяньмэй в доме – счастье Дачэну. Позд-

нее формулировка была расширена: приезд Тяньмэй в Н-ск осчастливил все категории его народонаселения, стал подарком свыше, она как волшебный горшочек – даже без риса накормит, без вина создаст веселье, без мяса сделает довольным и сытым!

Чем труднее живется, тем больше радости приносит хорошая еда, тем ценнее возможность вкусно поесть, тем больше ценятся дружеские чувства и человеческое тепло. Дачэн с Тяньмэй много думали, старались и разными способами завязывали отношения: со служащими железной дороги и автотранспорта, с водителями, проводниками, кассирами, инспекторами, а также с работниками розничных торговых точек, с секретарями и заместителями секретарей, начальниками отделов и подотделов, их заместителями в некоторых организациях. Дома тебе опорой служат отец и мать, вне дома опора – друзья, в доме тебе поможет жена, вышел из дома – поддержит стена. Каждый подбросит ветку в костер, и пламя поднимется высоко. Когда со всех сторон поддерживают влиятельные друзья-братья, то и стоишь ты прочно как большой бронзовый треножник, и если уж очень что нужно – продукты, приправы, всегда найдется. Либо же чем-то заменим. Ты мне помог на один *чи*, я тебе помогу на весь *чжан*, ты дашь мне один *лян*, я тебе – десять *цзиней*.

В Н-ске лучшие люди минимум шести десятков первых семей ощущали себя в долгу перед Дачэном с Тяньмэй в плане хорошо поесть; в плане общения – были решительно уве-

рены, что с такими, как Дачэн и Тяньмэй, надо дружить, и всем бы такими быть, как Дачэн и Тяньмэй! Кто нравится, тому помогаем, кому помогаем, того любим; с такими все вкусно и всегда приятно, и мне хорошо, и тебе, и всем нам!

Удовольствие от еды – это первое и главное условие существования живых существ. В китайской культуре еду чтут как Небо, как важнейший из факторов, образующих человека, ведь то, как питается человек, – это основное из его слагаемых. Любовь и ненависть, симпатия и вражда, взлеты, падения, движение вперед или откат назад, то, к чему тянется сердце, и то, что сердцем отвергается, расцвет и упадок, победа и поражение – все это предпосылкой своей имеет важнейшее условие: есть ли у народа еда, накормлен ли он. И наша партия, и наша армия еще со времени *похода в Цзинганшань* особо внимательно относятся к обеспечению продовольствием и улучшению условий жизни. После хорошего обеда взгляд на мир становится правильным и уравновешенным, в рисе с овощами, супчике и просяной кашке содержится определенная доза позитива. Жена нужна, чтобы мужчина стремился обеспечить достаток, а хорошая вкусная еда служит для нежной любви семейной пары гарантией и опорой – своего рода балластным камнем в трюме кораблика, не дающим ему опрокинуться. Вкусная еда – это планы и фантазии, стремления и мотивы, воля, энергия, отправная точка душевных переживаний. Вкусная еда для отношений человечества с природой, для трудовой деятельно-

сти, для прогресса и цивилизации всегда была первым стимулом, первым экспериментом, первым благодарением и самым первым осознанным впечатлением.

В то далекое от идеального время, в годы, когда достатка не было и близко, когда даже наощупь невозможно было обнаружить смысл и механизмы происходящего, когда не то что завтрашний день – даже сегодняшний не вырисовывался в полноте, когда не получалось найти и ухватить рукоятки собственных ощущений, в моменты постоянного спотыкания на мало того, что неровной, так еще то и дело ускользающей из-под ног дороге, счастливый своим социальным происхождением из «бедняков и беднейших середняков» переводчик и по совместительству молодой писатель – он же по совместительству же умелец по части починки велосипедов *мастер* Фу Дачэн, и счастливая своими способностями налаживать семейную жизнь, все преодолевать своим организованным женским трудом, искусница-мастерица Бай Тяньмэй – были вдвоем как две маленькие рыбки, спокойно плывущие среди высоченных волн и грохочущего прибоя.

В годы всеобщего дефицита они делились хорошей вкусной едой, в дни уныния и тоски созывали гостей и, помимо угощения, оказывали друзьям-приятелям разнообразные услуги и помощь: пойти учиться дальше, устроиться на работу, поступить на службу в армию, напечатать остро отточенное литературное произведение, разящее, словно кинжал или меткий дротик – лаконичных обычно жанров, таких как

«три с половиной строки» и *куайбань*. И еще помогали с пропиской, с заявлениями на материальную помощь, с финансовыми отчетами по расходам, сдачей или арендой жилья, получением отпуска по семейным обстоятельствам, с участием в лотерее на покупку телевизора и велосипеда шанхайской марки «Летающий феникс» с рамой из особо прочной марганцевой стали. В каждом из этих вопросов они могли оказать содействие, а коэффициент полезного действия у них доходил до сорока девяти процентов...

Ну и, естественно, они постоянно и непрерывно получали от своих хороших друзей, от самых разных людей всевозможные продукты, талоны и карточки, заботу, теплое отношение и внимание. В те трудные годы они смогли стать гениями социальных отношений на всех фронтах, центром единения и взаимопомощи, пунктом обмена, станцией экстренной помощи, когда что-то срочно требовалось, по-дружески облегчая другим их горести и беды, рука об руку стремясь к лучшей, нормальной жизни.

Один местный старикан, известный мастер китайской живописи *гохуа* и резчик по металлу и камню, Фань Байши, отобедав у них, после собственноручно начертал и преподнес им в благодарность пятистопный стих:

Далекий край так щедр, богат,
Ветром радости наполнен и объят.
Непринужденность чувств и ароматы яств,
Как сладкое, душистое вино, пьянят.

Созвучные, как звонких рифм ряд,
Слова высокие здесь радугой горят.
Хоть рыба была очень вкусна, —
Я более красавице-хозяйке рад!

Он отдельно пояснил, что последние строки воспевают волшебницу – хозяйку домашнего очага госпожу Бай.

Когда с местом службы определились, Тяньмэй стала работать в дневную смену костюмером, а приходя домой, так же, как и раньше ухитрялась легко и непринужденно приготавливать кушанья для мужа и детей. Дачэн с удовольствием ел лапшу, обожал кунжутную пасту, любил ребрышки, булочки и пирожки, обжаренные до золотисто-румяной корочки. Тяньмэй крайне редко заранее интересовалась мнением тех, кого собиралась накормить. Ведь это было время, когда конечный пользователь еще не стал ведущим звеном в цепочке потребления: ели и пили то, что что было доступно, сообразно действительности. Однако и в этих условиях Тяньмэй проявляла чудеса чуткости и изобретательности, стараясь в максимально возможной степени удовлетворить малейшие пожелания Дачэна.

В одно воскресенье вдруг с визитом пришел приятель с доставшейся ему от Шорбулакского 72-го полка Четвертой дивизии Производственно-строительного армейского корпуса большой бутылкой знаменитой водки «Илийская». А в доме, как назло, не было ничего даже похожего на закуску. И вот, когда Дачэн уже был близок к отчаянию, Тяньмэй

разыскала где-то остававшуюся длинную полоску жаренного в масле воздушного теста, одну-единственную, но большую луковицу, половинку морковки, кусок имбиря и уже желтеющий в рассоле огурец. Здесь же вдруг обнаружилось замаринованное в извести яйцо, и шеф-повар Бай стала быстро все нарезать, перемешивать, посыпать солью, сбрызгивать маслом... Через десять минут двое мужчин спокойно сидели и выпивали, неспешно закусывая, улыбаясь и нахваливая хозяйку, нить приятной беседы струилась, как шелк. Ну не сладко ли, не приятно ли? И с фонарем не сыщешь другую такую чудо-женушку, как красавица Тяньмэй!

...Возможно, в будущем это станет темой для научных исследований: почему именно в накаляющемся, звучащем на повышенных тонах, закручивающем гайки и ускоряющемся в масштабе целого народа и всей огромной страны Китае с 1966 по 1976 год появилась «партия перипатетиков», стремившихся не участвовать в политике и борьбе за место под солнцем, а спокойно наслаждаться жизнью. Откуда взялось так много свободы и своеволия, столько отходивших в сторону и отворачивавшихся, а потом, став в сторонке, ощущавших себя легко и свободно людей? Также повсеместно настало отпускное настроение, веселье, ощущение самостоятельности. Все стали брать отпуска, путешествовать, столько было издано поваренных книг, рождено так много детей, очень много стали играть в *мацзян* и повышать ставки, лазить под столы, пить холодную воду, нахлобучивать колпа-

ки из папье-маше, чтобы штрафовать и высмеивать игроков, которые даже три подряд костяшки собрать не могут.

Только с этим шутовским бумажным колпаком на голове наконец понимаешь смысл слов «Если жизнь тебя обманула...»

Хотя вернее будет – «если *ты* обманываешь жизнь»! Потому что это сначала, в *Великую революцию* надевали колпаки на землевладельцев и богатых крестьян, которых сурово «правили», потом, через сорок лет, это стало острым орудием «исправления» тех, кто «шел по капиталистическому пути», а всего через год бумажные колпаки стали как *мацзян*, как повышение ставок в карточной игре, стали инструментом деконструкции и обращения негатива в фарс. И где же тут стояла великая мудрость китайского народа, учившего, что *лодку надо толкать вдоль течения*? Кто же кого в конце-то концов обманул?

Стало ненужным прилежно заниматься своим делом – и рабочие, и служащие освоили массу ремесел, сколотили огромное множество больших платяных шкафов, бросились разводить морских коньков и выращивать чайный гриб, занялись спасением фабрик по производству стеклянной посуды, воспитали как никогда много музыкантов – скрипачей, гармонистов, флейтистов, зурнистов, саксофонистов и вокалистов. Расплодились и повылезли завывающие, тараторящие, орудие чтецы-декламаторы и ведущие, конференсье; стройными рядами поднялись эксперты волшебных оздоро-

вительных практик – от правильного размахивания руками до питья утренней мочи, со своими авторскими растяжками, сидением в шпагате и стоянием в позе летящей ласточки. Что-то из этих фокусов впоследствии состыковалось с мало-помалу набиравшей популярность йогой и, следуя встречными курсами, они неожиданно смешались в единое целое.

В это же время получили широкую популярность в народе разные способы гаданий – выкладывали спички, привязывали карандашики и раскачивали как маятник. Во множестве появились рукописные романы – «Рукопожатие», «Отряд Мэйхуа», «Го Дэцзе, жена Ли Цзунжэня». Разыскивались дальние родственники, волнами одна за другой пересказывались истории верной и нежной супружеской любви, образовался большущий демографический бонус, было устроено невообразимое количество увеселительных семейных банкетов – «есть сегодня вино – сегодня же и напьемся», «выпьем по одной и по второй скорей нальем»...

Именно в этот исторический период поженились проникнувшийся идеями Движения 4 мая за новую культуру сын представителя беднейшего крестьянства писатель и при этом известнейший в Н-ске велоремонтных дел мастер Фу Дачэн, у которого от этого всего душа болела так, что сжимало в висках, и Бай Тяньмэй. Стали они себе жить-поживать, словно рыбы в воде, словно креветки в иле, в ладу и согласии, как эмаль с глазурью.

Да уж, оглядываясь мысленно на эти прошедшие несколько лет, можно сказать, что все те крайне заманчивые картины будущей роскошной жизни, которые рисовали им односельчане в своих пожеланиях, были достигнуты с коэффициентом исполнения девяносто процентов.

А те десять процентов, которые относились к неопределенности, высунулись на данный момент следующим образом: оба их милых ребенка изменились, если сравнивать с тем, какими он их увидел, когда два года назад поехал навестить родных, пока родители еще были живы. Выдающиеся и многообещающие: талантливый и имеющий страсть к книгам Сяолун, смешливая и забавная Сяофэн – исходившая от них аура детей-ангелочков несколько потускнела, все в них становилось более и более обычным, ровным, практичным, повертывалось в том направлении, где не было романтизма и сентиментальности. Дачэн сразу определил для себя источник этого влияния, мать их...

Мать их требовала всего ровного, обыкновенного, стандартного. Она не была рада проявлениям индивидуальности, выделяющимся на общем фоне особенностям, а уж тем более всяким творществам и непонятым возвышенным вещам.

Тем не менее, переехав в Н-ск, Дракончик с Фениксом все-таки выделялись: сын в свои одиннадцать лет уже бегло цитировал по памяти «Изречения Мао Цзэдуна», дочка в ее десять стала участником пропагандистской бригады «Ма-

ленькие красные солдаты», пела «Слушай, бабушка тебе расскажет» из классической революционной оперы «Легенда о красном фонаре» – там слов немного, но смысл глубокий. В то же время все-таки в ровном поведении, ровном настроении, ровной жизни – три «ровно» – есть нечто более высокое, своего рода философия, некоторым образом традиционная культура: схлынула волна «разобьем все старье!» и стали слышны отзвуки былых ароматов: прошлого, истории, обычаев.

Когда выводишь на бумаге иероглиф #, «ровно», всегда ощущается сильный эмоциональный подъем. Особенно когда рисуешь сверху вниз самую последнюю вертикальную черту, пронзающую его, делящую ровно пополам. Каждый раз медленно ведя эту прямую вертикаль, Дачэн чувствовал, как становится героем, великим, непринужденно-свободным, уверенным и знающим все наперед. Внутренний смысл, заключенный в иероглифе «ровно», объединял и уравнивал слова и мысли Дачэна, голову и сердце.

Пять земных поклонов тебе, за каждую из твоих пяти черт! Сколько в них прямоты, простоты, сколько счастья, удачи, как в них много Китая! Человек – это всего лишь человек, и хватит об этом. А жена – это жена. А дети – дети, и точка. Писатель – это писатель. Велосипед – всего лишь велосипед. Ровно-ровно-ровно – излом... Излом, излом, излом... Кончилось. И снова будет – ровно-ровно-ровно-ровно!

Да, сын и дочь – это сын и дочь, и точка; папа и мама – это папа и мама – и точка. Народ – это народ, а самая основа, самый корень – жена. Моя жена, ни на кого не променяю, никому не отдам. «Ровно» – это правильное слово, «ровно» – это значит по правде, на самом деле; «ровно» – это значит называть все как есть.

Нет под небесами проблем, пока глупые люди не создают их себе сами. Дураки, кто так делает. Полные. Глупцы, кретины, конченные идиоты! Хотя не стоит так резко, пожалуй. Ведь не слишком плохо все было, а потом будет вообще ровно-ровно-ровно-ровно, главное, что они тихо, спокойно, счастливо прошли, эти бурлящие годы!

Глава 5. Ах, Пекин!

Спасибо, Небо! Спасибо, Земля! Среди хаоса, грохота, ветра и огня они жили спокойно. Потом – ему было тридцать восемь, в конце 1978 года, – они дожили до партийного III пленума 11-го созыва. Дэн Сяопин сказал: «Реформы и открытость – это еще одна революция». И тогда поднялся, смеясь, резкий ветер реформ, хлынула весна и зашумел ее высокий прибой, стали богатеть народ и страна, головы поднялись к небу с радостным кличем.

В великий исторический момент умирения хаоса и возврата на правильный путь Дачэн, кстати, исправил собственный возраст – убрал фиктивные два года, честно и прямо объявив, что его собственная жизнь начинается с 1940.

В конце 1978 года он опубликовал в городском литературном журнале Н-ска одно стихотворение и одну повесть.

В стихах шла речь о том, как однажды дальний ветер принес звуки девичьего смеха, как смех дал мечту, дал надежду и, главное, что его невозможно забыть.

Свойство врезаться в память уже само по себе имеет смысл и много значит. Оно делает возможным то наполнение жизни и утешение, которое дают мечты и воспоминания. Цветущие годы уходят в мгновение ока, но незабываемая весна навсегда остается с тобой. Мечты и надежды в конце-то концов сильнее, чем сумрак и пустота. Звуки сме-

ха могут сменить с трудом сдерживаемые слезы, на практике проверено: они всегда в силах помочь еще не слишком готовой стать общепризнанной истине раскрыться и засиять.

А в повести рассказывалось о мастере, который ремонтировал велосипеды. Он помог одному попавшему под репрессии ответственному работнику, собрав для него с виду неказистый, но на самом деле очень прочный и удобный велосипед – лучше даже, чем известные английские марки «Три ружья» или «Феникс», – чтобы этот бывший начальник мог на нем ездить. А потом, когда этого чиновника восстановили в должности, велосипедный мастер получил благодарность, но не принял от руководящего товарища вознаграждения за это. Мастер твердо верил, что люди его страны обязательно будут ездить на автомобилях, мечтал о том, что когда-нибудь вместо своей велоремонтной мастерской он займется производством и обслуживанием автомашин. И еще он думал о том, что, наверное, лет этак через триста люди поймут – велосипеды все-таки лучше...

Оба произведения получили хорошую оценку. Крупная пекинская газета поместила рецензию, в которой восторженно отзывались о его вере в солнечный свет и приносящий смех весенний ветер. Один очень высокий – больше двух метров росту – романист и по совместительству еще и художник из Тяньцзиня похвалил его за внимание к жизни простых людей, за то, что вникает в мельчайшие детали труда велоремонтных дел мастера, за глубокий профессиона-

лизм, живые и реалистичные описания. Высокий писатель сказал, что «произведения Дачэна можно сравнить с копчеными сардинками в оливковом масле – послевкусие от них на целый месяц».

Вестники двух университетов также опубликовали научные статьи о жившем еще за шесть с лишним веков до новой эры, при цзиньском Вэнь-гуне, и совершавшем множество добрых дел Цзе Цытуе, который не требовал себе за них вознаграждения и не принимал его. Оба профессора, рассматривая повесть Фу Дачэна о ремонте велосипедов и проводя параллель с Цзе Цытуем, который жил уединенно, отличался чистотой и возвышенностью духа, задавались вопросом: «Не устарел ли этот дух? Почему у современников нет подобной щепетильности в таких вопросах?» Даже на какое-то время возникла на эту тему оживленная дискуссия.

Во всех отношениях повесть Дачэна была очень кстати. К тридцати восьми годам иметь изданное произведение как визитную карточку – самое время. В эпоху реформ и открытости так попасть в ногу со временем называлось «благоприятная возможность». Эти возможности необходимы для развития, что для страны, что для отдельной личности, без них никуда. Раз – и вместо толпы зажавших друг друга со всех сторон, топчущихся на одном месте крабиков – скачи, лети, куда хочешь! Возможности и шансы носились в воздухе, погоня за удачей началась и постепенно набирала обороты.

Ранней весной 1979 года, в феврале, когда Фу Дачэну ис-

полнилось тридцать девять, он поехал в Пекин для участия в творческой конференции одного крупного литературного издательства. По сути это было совещание на производственную тему, речь шла о размещении заказов. Поселили его в ведомственной гостинице номер один в районе Чунвэньмэнь. Рассказывали, что эта и еще другая ведомственная гостиница, номер два, расположенная в квартале Сюаньбумэнь, по-простому «Первая» и «Вторая», были построены специально для гостей из других провинций, ехавших посетить мавзолей и почтить память Председателя Мао.

Заселившись в столице, в Пекине, в ведомственную гостиницу номер один, Фу Дачэн почувствовал себя бурно растущим и зацветающим сезамом. Казалось, синие облака несут его высоко в небо. Все стало вдруг быстро меняться самым решительным образом и вот докатилось до маленького незаметного Фу Дачэна. Улыбочка.

В «Первой» он увидел во всем удачливого Лю Синью, простого искреннего Цзя Дашаня, двадцать с лишним лет назад отовсюду отставленного, уже за сорок, даже, пожалуй, за пятьдесят, но на то время еще считавшегося «молодым писателем» Лу Вэньфу; видел Фан Чжи, Дэн Юмэя, Чжан Сяня, Цун Вэйси, Ван Мэна, видел потрясающую с первого слова Чэнь Жун, писательницу от Бога, видел Чжан Цзе, видел вездесущего Цзя Пинва, Мо Шэня, Чэн И, Ван Епина и других из сияющего созвездия молодых звезд; также видел несколько писателей еще никому не известных, «молодую поросль».

Старый руководитель издательства и главный редактор, старый революционер, которого пошвыряло бурными волнами то вверх, то вниз, с таким выражением, что «ну вот, наконец-то мы дожили до этого дня», призвал молодое поколение – даже два поколения: «Ну вы пишите, давайте в общем, *освобождайтесь*».

На такой вот конференции молодых писателей в Пекине у Фу Дачэна открылись глаза и уши. Он вслушивался в пекинский выговор и интонации, смотрел на ситуацию и действовал сообразно, перенимал манеру разговаривать и смеяться, держать себя непринужденно, старался не упустить ни капли из пекинского потока высоких тем и пространных рассуждений, выслушивал интимные подробности, разгадки секретов, бомбы-сенсации, прогнозы, перспективы, пустой треп, встраивался. Дачэн говорил о сокровенном, не забывая приправить юмором, мелькал тут, втискивался там, лавировал, маневрировал, искрил и вспыхивал, являл себя то твердым, то податливым, хватал удачу, отступал, когда грозил провал, шел за изгибом обстановки, одним лишь словом мог спасти страну – как и вся пекинская писательская элита среднего и помоложе возраста, готовая языком завоевать весь мир...

Он чувствовал себя так, словно эти предыдущие сорок лет в Биньхае и в приграничном городке, вместе с семьей и без семьи, все эти застолья, пьянки, бессчетные собрания – все было лишь пустой тратой его, Фу Дачэна, жизни.

Разве же нет?! О, великий огромный Пекин, сияющая заря, торжественная величественная площадь и башня ворот Тяньаньмэнь, развевающееся на ветру пятизвездное знамя – мы поем тебе песни, мы храним тебя в сердце своем...

Здесь иначе. Здесь все – драконы, хоть пруд их пруди. Все знают – от астрономии до географии, и древность, и современность, про Китай и про другие страны, что было пятьсот лет назад и что будет на двести веков вперед. У них все проанализировано, разобрано, отмечено, на будущее распланировано. Вот где настоящие собрания, вот кто настоящая литература, вот где все могут, знают людей, судят о мире. Править странами и народами им то же, что мелкую рыбку обжарить!

А еще на конференции блистал один, про которого не было раньше ничего слышно, из национальных меньшинств. Держался он непринужденно: высокий, крупный, выпуклый, с рыжеватыми усами и бородой, с черными глубоко посаженными большими глазами под густыми бровями, с улыбающимся лицом; смеявшийся так, что все вздрагивали. Он был глубоко обеспокоен тяготами народа и, как бык, наклонял голову, словно собираясь горы и реки свернуть, до неба добраться в своем запале. Особенно странно было слышать, как он выговаривает имена зарубежных политических деятелей – ну совершенно на иностранный манер: говоря об оппортунисте Каутском из Второго Интернационала, он произносил «Кау-» не третьим тоном, а первым (как, извините,

«зад»), и «Ле-» в имени Ленина у него выходило как «ле» первого тона, ассоциирующееся со значением «болтун и пустомеля». Конечно же, все, включая Фу Дачэна, мелкие провинциальные писатели, таращились на него с разинутыми ртами, как на пришельца с небес!

Благодаря буквально только что опубликованным стихам и роману Фу Дачэн тоже оказался в центре событий. Его фотографировали, про него писали в газетах, его имя стало известным. Самому себе он казался ужасно смешным. Однако уже немало деятелей литературы знали его фамилию и имя, и даже говорили что-то вроде «вот в древности у нас был Фань Чэн-да¹¹, а теперь есть у нас Фу Да-чэн»... А госпожа Ду, преподающая в университете, прямо процитировала известные строки Фань Чэнда, которые Дачэн, вообще-то, и сам помнил наизусть: «Вода в пруду как аметист. Лишь с тонкой пылью на своем лице. Морщинок даже нет на водной глади. Так нежно ласков ветерок восточный».

Сердце Дачэна радостно встрепенулось, и он упрекнул себя за это. «Ну кто ты такой, ты всего лишь мелкий, поверхностный человечек!» Но звезда удачи засияла и удержаться было невозможно, он, похоже, был *и сам обманываться рад*.

Предыдущие несколько десятилетий обнаружившаяся у кого-либо любовь к литературе вызывала подозрение, что

¹¹ Фань Чэнда́ (1126–1193) – китайский государственный деятель, дипломат, ученый и литератор; считается одним из наиболее выдающихся поэтов эпохи Южная Сун. В последние годы жизни оставил службу, поселился у себя в имении и занимался литературным творчеством.

такого рода человек не совсем от мира сего, одержим какой-то нечистью. Дачэн даже заучил специально одно слово для обозначения всей какой ни есть нечисти: «*чи-мэй-ван-лян*».

Только глянешь на эти иероглифы и уже страшно:

####

Объясняют так: когда человек умрет, он становится духом «*чи*» (#), а *чи*, умирая, превращается в «*мэй*» (#), *мэй* после смерти становится демоном «*ван*» (#), потом *ван* умирает и превращается в «*лян*» (#). Все, хватит. Не будем о «ядовитых травах литературы и искусства», не будем о «нечистых, испорченных, разложившихся писателях». *Этих* сочетаний слов из четырех иероглифов он не знает и даже не видел никогда.

Теперь повсюду веет ветер больших перемен. Любой, кто может связно написать несколько слов, кто может без усталости говорить громко и убедительно, тот теперь редкий зверь, громадный кит африканский или по крайней мере золотистый ливанский хомячок. Вообще-то они, эти экзотические хомяки, тоже относятся к семейству грызунов, как и обычные мыши. Вот нынче и серой мышке выпал такой случай, что она может высоко прыгнуть и стать золотистым хомячком.

Дачэн не знал, плакать или смеяться ему теперь, вспоминая свое прежнее бытие – жизнь креветки, резвящейся в мелком пруду и без малейших перспектив роста. Грянула

эпоха перемен, время лезть и карабкаться вверх, он уже живет в «Первой ведомственной», а имя его ставят рядышком с жившим за тысячу лет до него при Южной Сун великим мастером Фань Чэнда. Удача? Или не к добру? Бред? Позор?.. Вот ведь беда-то!

На выходных вечером собравшиеся на конференцию писатели отправились на кафедру китайского языка и литературы одного знаменитого университета, чтобы пообщаться со множеством мечтающих стать поэтами и писателями студентов. Фу Дачэн познакомился с Чэнь Цзяньгуном, Хуан Пэйцзя, Ван Сяопином. Они весело беседовали, смеялись, пели и танцевали, подписывали книги, фотографировались, даже обменивались адресами. Потом вместе обсуждали программу. Перед каждым на столе – зеленый чай, тыквенные семечки, еще было несколько ломтиков арбуза. Дачэн декламировал на русском стихотворение Пушкина «Если жизнь тебя обманет». Почему по сравнению с Биньхаем и Н-ском в Пекине так много молодежи знает Пушкина? В Пекине знающих Пушкина даже больше, чем тех, кто в Н-ске знает известную на весь город Сяо Ляньхуа, поющую частушки под бамбуковые колотушки...

Нет слов, он ужасно рад – из уст его звучит: «Если жизнь тебя обманет...», а в душе, если подумать о реальной ситуации, слышится «если жизнь тебя *возносит*». Уже так высоко вознесла!

Программа студентов была намного богаче: аккордеон и

зурна, скороговорки *шулайбао* и речитативы *куайшю*, а особенно интересное – самые разные песни и арии из опер. Встретившая Дачэна уже как старого знакомого декламировавшая ему из Фань Чэнда «Посещаю Цзиньмэнь. Аметистовый пруд» коллега по литературному цеху госпожа Ду – она же университетский преподаватель Ду – под бурные одобрительные возгласы студентов пела из оперы *хуагу*, хунаньской, своих родных мест. Опера называлась «Проданная в рабство мать»:

Год за годом,
День за днем —
Лето проходит, зима настает.
Цветы расцветают,
Цветы опадают,
Повсюду летит аромат.
Вот уже пришла весна,
Текут зеленые реки.
Все вокруг – как прежде,
Только нету моего сына.
Он дорожный халат надел и ушел.
На ветру выются седые пряди моих волос.
Двадцать лет не видала ни сына, ни внуков.
Двадцать лет все мечтаю увидеть,
Двадцать лет беспрестанно болит мое сердце.
Пойду искать его хоть на край земли,
Железные сапоги истопчу – но сына найду.
Я обязательно сына родного, милого сына – найду!..

Оказалось, что у преподавателя Ду пробирающий до слез голос, который вызвал гром аплодисментов, цунами восторженных возгласов. Затем она спела совершенно другую по настроению песню из кинофильма «Следы слез»: «В моем сердце расцветает роза, я напою ее водой своей души...»

Вот сегодня осуждают «идущих по капиталистическому пути» – тех, кто шел по нему, когда приговаривали «Банду четырех»¹² – «Вана, Чжана, Цзян и Яо», а что же искусство? Во что оно целится, куда бьет, причем без промаха бьет? Ее голос чист, как лунное сияние, сладок, хрупок, как у девочки-подростка. Дачэн был опьянен этим чистым и нежным голосом, пьянел от ее жестов, движений, приподнятой брови, откидываемых волос, похожих на ветви ивы, с которыми играет ветер, от глаз, то смеющихся, то глядящих из-под нахмуренных бровей... Ах, роза в цвету!

Закончив петь, она сказала фразу, которую Дачэн в тот момент совсем не понял: «Эта мелодия, похоже, испытала на себе влияние *концерта для скрипки ми-минор Мендельсона*...» От непонятных слов Дачэну только больше захоте-

¹² «Банда четырех», или «шанхайская группа» – термин, используемый по отношению к группе руководящих деятелей КПК, выдвинувшихся в период «культурной революции», на которых возлагалась ответственность за совершенные в ее ходе преступления и за ее последствия. Имеются в виду вдова Мао Цзэдуна Цзян Цин (1907–1991), его зять Яо Вэньюань (1931–2005), мэр и партийный лидер Шанхая Чжан Чуньцяо (1917–2005) и секретарь ЦК КПК Ван Хунвэнь (1935–1992).

лось мысленно пасть ниц. Он внезапно прозрел, сияющая заря ослепила его радужными лучами, новое солнце взошло на востоке!

Под сумасшедшие крики и аплодисменты всего зала преподаватель Ду попросила подойти к ней пару – юношу и девушку из числа студентов, представив их всем присутствующим известным писателям и заявив, что они начинающие таланты, уже подающие большие надежды и пытавшиеся теперь издать что-то из написанного. Оба громко протестовали, настаивая, что только преподаватель Ду имеет право считаться подлинным литературным талантом и спустившейся с неба в бранный мир звездой мелодий и изящной словесности.

Вместе с этой парой преподаватель Ду исполнила «Песню Маринэ» из вышедшего лет десять с лишним назад советского кинофильма «Стрекоза», в которой поется о том, какие советские женщины умные, активные, упорные и всепобеждающие. Дойдя до фрагмента речитативной вставки, трио наперебой принялось щелкать языком и напевать в невообразимом темпе: *абадэр-ладэр-ладэр-ладэр-ладэр-ладай-ла, абадэр-ладэр-ладэр-ладэр-ладэр-ладайла*, стремясь передать ощущение молодости и чувство счастья, чувство удовлетворения, чувство превосходства рабочего класса Страны Советов...

Снова зазвенел голос преподавателя Ду и ее смех, звучащий словно небесная музыка, словно голос волшебной феи.

Оказывается, это была новая песня – «Казахский вальс», которую пела во время приезда в Китай в 1952 году народная артистка СССР Халима Насырова:

Над Красной площадью
звонят раскаты песен,
развешаются красные знамена,
Озаряя всю землю
сиянием звезд...

<...>

Как вода в ручейке бежит к морю,
Так и я стремлюсь сюда —
Навсегда,
Навсегда,
Навсегда.

Ха- и – ха – смех Ха-лимь и вальс каза-ха слились вместе, песня и смех смешались в одно. О-о-о! Песня и смех вальсируют с ветром, налетают порывами... Как там в прописях? *«Думать начинай с начала, сиди прочно, как колокол, стой прямо, как сосна...»* Смейся, как ветер, пой, как бегущий поток, трам-парам-парам и па-ра-ра-рам! Семнадцать лет юноше бывает только раз, те самые, единственные семнадцать... Реформы и открытость, старое обратится в юное, вспомни свой сладкий сон!..

О том времени и правда можно сказать, что было тогда довольно много необъяснимого. Вот, например, никто то-

гда ничего не говорил, ничего не сообщалось, специально не распространялось, однако китайско-советские отношения явно стали немного теплее. Без слов было понятно, никто не говорил этого, но все видели сами. Еще один пример: в Китае второй половины двадцатого века выскочило столько «босоногих врачей»¹³, «босоногих писателей», а были ведь еще босоногие политики, да! Ха-ха... А как кончились восьмидесятые, то не пойми каким образом все эти босоногие господа разом «обулись», понадевали сапоги, туфли, ботинки. Или тихо-незаметно покинули нас...

В самом конце концерта одна иностранная госпожа-преподаватель пела для всех присутствующих оскароносную мелодию из ностальгического голливудского кинофильма «Какими мы были»: «Воспоминания таятся глубоко, они подобны выцветшей картине / Их можно воскресить, наверно, но хотим ли мы того? / Может быть, воскреснув, они превратятся в смех, а может станут ноющей раной... / Воспоминания минувших дней... Тоскую я о том, как было все тогда, вначале...» Слова песни перевела преподаватель Ду, получилось, пожалуй, и правда неплохо.

Сто чувств переплелись и смешались, картины прошлого пролетали перед ним. И в этот момент в глазах у Дачэна потемнело, все вокруг начало кружиться, быстрее и быстрее,

¹³ «Босоногие врачи» – программа, введенная правительством КНР во времена «культурной революции». В рамках этой программы сельские жители получали, помимо начального и среднего образования, базовую медицинскую подготовку и обеспечивали медицинское обслуживание в сельской местности.

стало темнеть, словно настали сумерки, люди вокруг превратились в черные тени, фигурки театра теней. Голоса, смех, болтовня, гам вдруг отдалились, стали не шумнее вдоха, не громче трепыхания комариных крылышек...

Плохо дело – Фу Дачэн потерял сознание.

Очнулся он в машине скорой помощи. Сотрудники издательства, отвечавшие за организацию конференции, отвезли его в госпиталь района Хайдянь. После обследования сказали, что скорее всего это заболевание внутреннего уха и вестибулярного аппарата. Ему прописали пилюли для нормализации работы мозга, успокоительное и сосудорасширяющее в таблетках, проводили обратно в «Первую ведомственную», и скоро ему стало лучше.

Дачэн сам-то понимал, что этот его обморок такого же рода, что и те два – двадцать лет назад и сразу после свадьбы. Первый был от возбуждения из-за голоса весны и звуков смеха, во второй раз – из-за свалившейся на него с неба большой белой пушистой жены. Тогда Тяньмэй повела его к кудеснику по фамилии Бай, вылечила, а тут чудный рассвет и прекрасные перспективы реформ и открытости, сердце прыгает, как обезьяна, и скачет, как резвый конь, вот старая болезнь и вылезла снова...

Он вспомнил прошлые свои переживания. Снова слышал тот голос смеющегося ветра, услышанный двадцать лет назад смех девушки, песню весны, мелодию из кинофильма, голоса студентов, веселые стуки и звуки сердца. Это были звуки

Пекина, студентов, любви. Обращенные к нему, они взывали. Как стихи Шу Тин и Бэй Дао, как строфы Лю Юна и Нара Синдэ, как сказки Андерсена...

Одного только он в самом деле не понял: из какой это оперы – *концерт Мендельсона для скрипки ми-минор*?

В столице Фу Дачэн вместе с участниками конференции ходил в центральный киноархив на Синыцзекоу смотреть фильм с мегакинозвездой еврейского происхождения Барброй Стрейзанд «Какими мы были», получивший премию, тему из которого он уже один раз слышал.

В фильме описывались давние события молодежного левого антивоенного движения в США пятидесятых годов против маккартизма и губительного «закона Тафта-Хартли». История несложившейся любви совсем еще юной девушки, пламенной и чистой, и тонкого, элегантного, вынужденного идти на компромиссы и конце концов склониться голливудского сценариста, где в финале девушка по-прежнему мечется, собирает подписи против ядерного оружия, а молодой человек находит себе новую привязанность... Музыкальная тема глубоко тронула Дачэна.

Еще они посмотрели французский фильм «Последнее танго в Париже». Очень много телесной обнаженности, очень много внимания сексуальной мотивации поведения Дачэн смотрел, вытаращив глаза и открыв рот, тяжело дыша и охая, он чуть было опять не отключился со своим недолеженным недугом. Ну просто нет слов, это же просто черт его

знает что! Или это уже он сам в человеческой страсти, в человеческих отношениях нарочно видит только бесовщину?

Если жизнь тебя обманет... – Да! (Это по-русски так – «Если жизнь тебя обманет», и «да» – тоже русское слово). В смысле – ну ладно, бывает. Но вот если это ты обманул жизнь и себя самого? Ведь ты и есть и твоя жизнь, и ты сам... Кто же кого обманул?

Он вернулся домой.

Хотелось улыбаться. То и дело находило такое настроение, что вот-вот вырвется смешок. Жена все больше и больше выкладывалась на работе, сдельная зарплата все накапливалась и росла. Сяолун и Сяофэн поступят в вуз.

Он не думал даже, что Тяньмэй буквально через пару дней после того, как он вернулся из Пекина с конференции, вроде как что-то заметит:

– Что случилось?

– Нет, ничего, – ответил он. За то время, что они жена-ты, за двадцать один год, жена первый раз задала ему такой вопрос. – Я очень устал, немного утомился... – он сам толком не понимал, что говорит. Говорил, а нос при этом дергался. – Глянь – что же это у нас, мыльница не закрыта как следует?.. – говорит он.

Когда сказать нечего, говоришь первое, что придет в голову.

Вспоминались новые недоговорки, которые услышал в Пекине от тамошних писателей молодого и среднего воз-

раста. Например: «Как заботливая свекровь о невестке – не знает, какими словами назвать», «Бить детей в пасмурный день – все равно делать нечего», «Брить голову шилом – у каждого учителя своя метода», «Как собаке поднять дверную занавеску? – лишь на свой рот полагайся».

– Пекинцы такие бойкие на язык... Если ехать в Пекин, то даже не знаю, смогу ли я их переговорить... – говорит Дачэн. И это тоже первый раз, когда он делится с женой тем, что на сердце, что его тревожит и беспокоит.

– Что? – беззвучно спрашивает жена еле дрогнувшими губами. Она идет поставить воды на огонь. Вечером ему кажется, что он слышит, как Тяньмэй разговаривает сама с собой: «Я жду... Я боюсь... Боюсь...»

Глава 6. Болезнь все расставляет по местам

Ничего не поделаешь – Дачэн, к сожалению, изменился.

Только-только он вроде бы нашел себя, как вот уже этого прежнего-то и нет. Он уже покинул уезд Биньхай, деревню рыб и черепаших хвостов, Н-ск, он не видит себя вместе с Тяньмэй. Но ведь есть же еще семья и тот он, который в реальности. А как же Дракончик и Феникс? Как это глупо. Он получил от преподавателя Ду по почте тетрадку, он знает теперь ее имя – хотя, может быть, это не имя, а псевдоним – она подписалась: «Ду Сяоцзюань». Сяоцзюань. *Кукушечка*. В тетрадке – ее критические заметки о любовных романах. Автор вопрошает:

«Со времен строк «когда женщина носит в себе весну, избранник ее обольщает» до наших дней прошло уже больше трех тысяч лет, «Заколка для волос в форме феникса» отстоит от нас на восемьсот лет, после «Движения 4 мая» прошло больше полувека. Много ли было тех, кто испытал чувство настоящей любви, на всей необъятной земле прекрасного Шэньчжоу – нашего Волшебного края с его идущей из древности культурой?..»

У него защипало в носу. Тетрадку Кукушечки Ду он сунул между книг. Оказывается, она может рассуждать на высокие темы, способна к творчеству, хорошо знает древние

книги и слагает поэмы. Вот, пожалуйста, рядом с вами, жутко талантливая. В своей прозе она описывает первую любовь девочки подросткового возраста, встречающую грубое и жестокое к себе отношение. Он все время думает о преподавателе Ду. Она родом из Хунани, говорят, что ее отец очень известный ученый-историк, а сама она – незаурядный талант и из знатного рода. Вообще-то она не такая белая и сияющая, как Тяньмэй; лицо у нее удлинненное, а у Тяньмэй округлое.

Что касается Дачэна, то он только после тридцати стал понимать, что удлинненное лицо, оно, наверное, более утонченное, более поэтичное. Когда ему не было еще шестнадцати, приятели заметили, что его собственное лицо со временем становится все более вытянутым, начали над ним подшучивать, говоря, что у него голова становится как у лошади, а лицо похоже на ослиную морду. С перепугу он раз за разом рассматривал себя в зеркале. Сельские жители любят, чтобы лоб был высокий и выпуклый, чтоб подбородок был округлым и увесистым. Основательный внушительный подбородок – это сила, энергия, счастье. Фигурой Тяньмэй по сравнению с преподавателем Ду крупнее и выше, полнее; кисти рук и ступни у преподавателя Ду заметно меньше, чем у Тяньмэй...

Дачэну вспомнились две строки из перевода поэмы Пушкина «Евгений Онегин»:...*Обойди хоть всю землю России, у женщин / Не увидишь и пары красивых ступней...* (...только вряд / Найдете вы в России целой / Три пары стройных жен-

ских ног).

Гм... Люй Ин переводил. Люй Ин в те годы считался «одним из тех, кто с Ху Фэном¹⁴», *хуфэнский элемент*, короче.

Разве у больших тетушек из большого Советского Союза самый ходовой размер ноги европейский сорок второй? А если вспомнить, как наши собственные почитатели китайской старины ахали и млели от затягиваемых обмотками так, что становились словно пирожки-цзунцзы, женских ступней – так называемые *трехвершковые золотые лотосы*: Ах, лотоса бутон роняет лепестки! Ах, серпики молодой луны! Ах, остроконечные тоненькие нежные узорчатые комочки!..

Эти литературные кружева авансом пьянили его, затем приходило чувство раскаяния и стыда, хотелось куда-нибудь спрятаться.

И вот что еще вызывало сожаления: почему, уже попав на картину, выходящую из-под волшебной кисти литературы, мужчина и женщина все равно описываются в ней согласно биологической, предметной логике, с линейкой, прикладываемой к их телесной форме, скелету, плотским чувствам, внутренним органам и интимным местам? Цинично и неприкрыто. Глаза у Тяньмэй больше, чем у преподавателя Ду, рост выше, зато преподаватель Ду фигурой изящнее, тоньше, одухотворенней. У преподавателя Ду верхнее веко с

¹⁴ Ху Фэн – литературный псевдоним поэта и публициста Чжан Гуанжэня (1902–1985), открыто выступившего с критикой идей Мао Цзэдуна о литературе и искусстве. В 1954 году он и его сторонники были арестованы. Полностью реабилитирован только в 1988 году.

двойной складкой, это очень красиво, а у Тяньмэй обычные веки, к тому же немного опеченные...

Это недееспособность литературы? Или это недостаточное понимание с его, Дачэна, стороны?

В прошлом не смели прямо смотреть на тело, все такое подавлялось, извращалось. Теперь же и в будущем можно надеяться, что мужчины и женщины станут правильно относиться к своему здоровому, совершенному телу, доставшемуся от родителей, подаренному свыше, будут любить его, трезво и бережно к нему относиться. И это не пошлость, не распушенность, а нормальное правильное отношение, открытое, честное воспевание жизни, развитие того, что было в Древнем Китае.

Дачэн тогда, в тот вечер в прославленном пекинском университете, очень мало говорил с преподавателем Ду, однако ее смех, манера держаться, голос, слова, движения настолько с Фу Дачэном совпали, совместились, как до этого никогда с ним не бывало в этой жизни...

Ничего не поделаешь. – Пекин – это Пекин, а Биньхай, рыбацкий Юйбе, городок Н-ск – это именно Биньхай, Юйбе и городок Н-ск...

Преподаватель Ду говорит: «Здравствуйте!» – в Пекине это звучит как капли росы или как цветущая ветвь; а «Добро пожаловать» преподаватель Ду говорит, как будто поет, улыбаясь...

Да, она так хорошо поет, как та девушка-«стрекоза»,

что время разворачивается, течет на двадцать лет вспять... «Угасли волны, но по-прежнему от них расходятся круги, и музыка любви навечно поселилась в сердце. Ты беспрестанно думаешь об этом, и днем, и ночью. Я очарован юною весной, пусть десять тысяч раз она ко мне вернется!»

Прошло еще три дня, и Дачэн понял, наконец, в чем его проблема. Неудивительно, что он кажется Тяньмэй странным. После поездки в Пекин на конференцию он потерял вкус к еде, утратил покой во сне, говорить стал бессвязно, взгляд, застывший и ничего не выражающий. Самый классический пример того, что «надо думать о лошади», если хочешь выиграть скачки, а его мысли где-то в другом месте.

Тот мир, с которым он начал соприкасаться, тот другой мир, в который он вроде бы стремился, стал для него ярким и бурным и настолько прекрасным, как раньше никогда и представить было нельзя, а имевшийся в реальности мир — как никогда прежде чуждым, делался все несуразнее, ну просто до невозможности пресным и пошлым.

Ему вспомнилась написанная Юй Лоцзинь и на какое-то время ставшая жутко популярной повесть «Зимняя сказка» — о том, как она вышла замуж за здорового мужика с большими растопыренными ступнями, как осенью молодожены поехали гулять на Ароматные горы, в парк Сяншань: Юй Лоцзинь думала, что они будут смотреть на красную листву, а ее мужчина побежал в очередь за жареной рыбой-саблей с хрустящей корочкой...

Этот эпизод Дачэна совершенно не убедил: он не считал, что жареная рыба и красные листья друг с другом несовместимы. Точно так же как якобы не могут между собой пересекаться, скажем, литература и починка велосипедов.

Так или иначе, прямо перед ним вдруг оказалось совершенно незнакомое сорокалетие. Сорок лет заставляют путаться в своих чувствах и мыслях. Сорок – и красные листья с девушкой-«стрекозой» повергли его в смятение. Сердце его улетело с этим ветром, совсем как в знаменитом романе, описывающем войну между американскими Севером и Югом, и снятом по нему фильме с названием “Gone with the wind”, где на китайском в переводе появилось «кружиться, порхать».

А на русском название книги – «*Унесенные ветром*». Если русское название буквально перевести на китайский, то получится: «*Те, кого подхватил и унес сильный ветер*». Какой же ветер подхватил его и уносит? Смеющийся свежий ветер, взбаламутивший душу, погнавший волну, в котором он тает и растворяется от этого смеха, уносится в путь вместе с песней, летит в дальние дали за строками из эссе и романа Кукушечки Ду, расправляя крылья устремляется к облакам? Он вдруг превратился в воздушного змея с оборванной ниткой.

Даже дети ему говорят: «Что с тобой, папа?»

Что со мной? Съел не то лекарство? Опьянел от вина? Распахнулись глаза или, наоборот, ослепли от того, что долго

их тер? Это пробуждение к жизни, это проснулись и душа, и любовь? Или горящим огнем я сжигаю дотла жизнь, душу, любовь, белую нежную жену, не по годам смышленных, смеющихся, как распускающиеся цветы, с ямочками на щеках сына и дочь?

Так прошло несколько дней. У него разлилась желчь. Приступ острого холецистита. Внутри все скрутило. Дважды вырвал. Под конец болело так, что он выл во весь голос. Температура была выше сорока. Сорок один по Цельсию. Все тело била дрожь. Он догадался, что в Пекине ел слишком много. Детство в бедной рыбацкой деревне, много лет не питался нормально и в удовольствие, даже не ел вдоволь. А в этот раз в Пекине – кисло-сладкое мясо в горшочках, панированное в муке и готовленное на пару, огромные жареные тефтели «львиная голова» и мясо, кусками запеченное на кости с ароматным японским перцем... Один раз даже были большие тигровые креветки. Дважды после ужина было совсем плохо, всю ночь вздыхал и постанывал – от счастья и от тяжести в животе.

Тяньмэй на тележке, в которую вообще-то обыкновенно ослика запрягали, повезла его в больницу, где ему сделали УЗИ, проверили спинной мозг, вставили трубочки в нос для назального питания, чтобы, как сказано было, снизить нагрузку неизвестно от чего на неизвестно что; еще вставили трубочку для мочеиспускания. Дачэн по-настоящему все осознал и по-настоящему постиг: боль переносить тяжело,

боль пересиливает все и все прочее изгоняет; когда от жизни остается только боль, то, чтобы избавиться от боли, он готов расстаться и с жизнью, не то что с каким-то там желчным пузырем – пусть отрежут его, пусть даже голову отрежут или «маленького братишку» – на все согласен!

Буддизм говорит, в жизни есть четыре несчастья: рождение, старость, болезнь и смерть. Болезнь держит нас крепче, чем жизнь, ее тяжелее переносить, чем смерть, она упрямее и строптивее, чем старость. Болезнь – это вкус и ощущение бытия, необходимый элемент существования, единственная и уникальная вершина человеческой жизни. Болезнь ведет нас к прозрению, это нирвана, это истинно явленное – хвала Тебе, Будда Амиताбха! Жизнь же ведет нас к старости, а старость и болезнь ведут к смерти, которая есть вершина болезни, вечность и великое преображение.

Смерть, возможно, ведет в пустоту, где нет четырех великих начал – ни воды, ни огня, ни земли, ни ветра – нет ничего. Но тогда болезнь – это еще более пустота, чем смерть, это пустота пустоты, это отсутствие пустоты в пустоте, пустота без пустоты и ничто. Потом понимаешь, насколько благословенна и счастлива жизнь без болезней, без горя, без бед и невзгод. Здоровье – это взгляд на жизнь прямой и спереди, а болезнь являет вид и сзади, и сбоку, чтобы видели, насколько она ценна и прекрасна. И, потом, что еще у него осталось? Есть только Тяньмэй, только Сяолун, только Сяофэн. Только Тяньмэй имеет право и обязана поставить подпись в опера-

ционном журнале. Только она может принять на себя ответственность за тот риск, что он не проснется после наркоза, за риск, что он умрет от потери крови, что рана будет долго не заживать, воспалится и приведет к неизлечимому заражению. И еще есть риск, что вскроют брюшную полость, а внутренности все уже пропитаны желчью и нельзя спасти, а также другие тринадцать опасностей, которые говорят тебе, как хрупка и слаба твоя жизнь.

Перед тем как его раздели догола, сбрили лобковые волосы и положили на операционный стол, он мельком увидел жену и детей и сказал им только: «Все хорошо. Не волнуйтесь». Голос был не громче комариного писка. Яд болезни отобрал у него голос. Для начала. Прежде чем отберет все остальное.

Конечно же, это не случайность, а знак, посланный ему Небом. Считай, в целом, что предупреждение. Воля Неба – ноль? Ноль это совсем ничего, значит Небо воздерживается. Тогда ты должен свою волю поставить на пустующее место, сделать свою волю волей Неба, взять ответственность на себя и явить волю Неба. Твое существование, твоя воля, в конце-то концов и в начале начал, по естественному закону устройства мира происходят из естества природы, от Неба и Земли.

На второй день после операции он по указанию врачей, преодолевая боль встал, выдохнул через сжатые зубы. На третий день разрешили прием жидкой пищи. На шестой день

он вышел из больницы.

Изможденный и ослабевший, он вспомнил все то, что произошло в его сорокалетие, вспомнил слова Лу Синя в эссе «Пропаганда и актерство» из сборника «Двусердечие»: «Когда Ян Сяолоу исполнит “С одним мечом отправляюсь на встречу” или Мэй Ланьфан – сцену “Дайюй хоронит цветы”, они, отыграв, откладывают Алебарду Зеленого Дракона или мотыгу, не считают себя более воеводой Гуаньюем, сестричкой Линь... ведь это бы выглядело, будто у них жар и они не в себе».

...Есть люди, которых любовь ставит между жизнью и смертью. Это хорошо для тех, кто выходит на сцену декламировать написанное в сценарии, принимать букеты цветов, кто готов стать великим актером и суперзвездой.

Есть люди, которые просто и буднично женятся и выходят замуж, живут и умирают, едят и спят, это пресно, скучно, но лишиться этого жаль. Чем безвкуснее, тем больше жаль, чем скучнее, тем меньше сил на дурное.

Хотя ему только что сделали экстренную полостную операцию, по его выражению глаз, лицу, голосу, жестам, походке, по тому, как он держался – по всем внешним проявлениям Бай Тяньмэй сразу же почувствовала, какую нежность Фу Дачэн испытывает к ней, и всплакнула, сбивчиво бормоча:

«Ведь я же знала, знала, что мы не пара, мы не подходим друг другу, мы совсем разные. Я дура, что вышла за тебя, я необразованная, глупая, ничего не понимаю. Вышла за тебя

и тогда только поняла – ты помешанный на литературе. Сестры же мне говорили, а я не понимала, думала – получится... А ведь слышала, что писатели ненормальные, они все врут, с толку сбивают людей, обманывают, семьи разрушают, они ненадежные, от них постоянно беды... То ошибки совершают, то идут не по тому пути, потом их наказывают... Это все вот, вы говорите, литература... А это загубленная жизнь...

Я же все понимаю, я сразу поняла – ты поднимешься, а меня бросишь... Знала, знала... И не говори ничего, день прошел – и прошел, и я еще хоть несколько дней за тобой буду ухаживать... Ты меня привез в город Н-ск, тут есть кино и универмаг, улицы широкие и еще много полицейских, машины, такси и телеги с лошадью напрокат тоже есть... Я еще не сказала, что у меня есть деньги. Больше, чем у тебя, ты даже и не представляешь...»

Бай Тяньмэй рассказала Дачэну о своем бизнес-плане.

От коллег на фабрике по пошиву одежды она слышала, что в главном городе провинции уже есть частный игровой клуб – шахматы, шашки, карты. Дядя одного из коллег работает в управлении торговли, и они могут помочь ей с заявкой и рассмотрением, даже анкету ей самой заполнять не надо будет... А в клубе она поставит игровые доски, будет чай, кола, морс из кислой сливы, соевое молоко, свежавыжатые соки, газировка «Северный ледовитый океан» с белым медведем на этикетке, компот из красных фруктов... Она научится всему, что делается в новых гостиницах, научится быть,

как люди высокого полета, закупит разных фруктов, моющие средства, будет кожуру чистить, дольками нарезать, класть на маленькие стеклянные подносы... будут зубочистки для посетителей...

...Дачэн оказался в тесных объятьях Тяньмэй, прижатым к ее груди, еще точнее сказать – сам ввинтился, вжался в ее объятья, в слезах и соплях, плача, возбужденно, вздохнул стал ей рассказывать, вдруг разом все постигнув, все разом стало ясно и понятно: пусть те, кто за свободную-свободную любовь, идут себе совсем-совсем свободно любить, кого хотят, обниматься, с кем хотят, ругать, кого хочется, пусть буянят, травятся, режутся, колются, переворачивают вверх дном небо и землю, в нирвану их душу вон! И пусть те, кому не хватило свободы и свободной любви, тоже любят свою или своего столько, сколько смогут, тискают и сжимают свою или своего столько, сколько сил хватит, пусть ублажают, сколько получится, сердятся и обижаются на своего или на свою, сколько хотят. Пусть плачут, ругаются, но только пусть держатся вместе, как одно! И не забывайте делать счастливое лицо, если все хорошо, а если так себе идут дела, все равно бодритесь! Единоутробные мои, друзья-приятели, незамужние девушки, молодые ребята, и в особенности непристроенные пока барышни, как я жалею вас, как люблю вас всем сердцем!

Он подал идею: не надо ограничивать себя – надо открыть не просто игровой клуб, а игровой клуб и чайную!

Он восстанавливал силы. Тяньмэй каждый день давала ему легкие питательные куриные бульоны с горным ямсом и ягодами годжи, а он был для Тяньмэй творческим консультантом. Одним боком наслаждался домашней жизнью, уютом, с другого боку – то и дело вспоминал свои тридцать девять: поездка в Пекин, тамошние песни да веселье. А потом это все снова уходило вдаль, сворачивалось, делалось незначимым и ничтожным, уменьшалось до такой степени, что могло бы уместиться на кончике коровьего рога...

Насколько же удачно сложилась судьба, звонко и громко развернулась, похлеще, чем в романах – в том числе его собственном...

Кто вообще пишет сценарий человеческой жизни? Родиться в 1940-м на оккупированном японскими войсками Севере, который тогда звался непонятным «Маньчжоу-го»... В сорок пятом советские войска вдребезги разгромили японскую Квантунскую армию... В сорок девятом – основана Китайская Народная Республика... В пятьдесят пятом он бросил учебу, в пятьдесят восьмом восстановился, в пятьдесят девятом – женился, в шестьдесят первом стал отцом... Сперва не хотел семьи, потом – семьей наслаждается... Семьдесят девятый – конференция в Пекине, смутившая душу и всколыхнувшая сердце высоким полетом блестящей культуры... Смеющийся ветер материализовался в облике талантливой молодой женщины, и неизвестно, в какие дали и глубины его бы понесло, если бы не жесткий эпизод с

экстренным хирургическим вмешательством, развернувший направление всей жизни...

Это ж насколько совершенный и полный, интригующий и непредсказуемый, восхитительно изменчивый, серьезный и многозначный в своей целостности замысел!

Великий материальный мир! Законы и правила, науки, обобщения, акустика-оптика-химия-электричество, инерция, плюс и минус и ускорение – конечно, еще следует добавить биологию с ее делением клеток и различием полов, рождение, смерть – вот, где великий сценарий Земли и Неба! Чем более объективен мир, тем больше в этом замысле субъектности и твердой определенности.

Что же тогда такое – твоя поэзия, романы, созерцание, прозрение, учение о переменах? Мужчина и женщина в этом мире... как животные? Или «я тебя люблю»? Не важно. Израненная душа в каплях запекшейся крови вернется на тридцать третье высшее небо – Небо-Без-Ненависти, – оплакивая горестную и удивительную судьбу, как у Линь Дайюй, как Цзя Баоюй роняя алмазные слезы на ту землю, где им суждена была встреча.

«Я люблю Бай Тяньмэй...» – вскрикнул он во сне. Бай Тяньмэй разбудила его, он и сам слышал собственный возглас, вырвавшийся из сердца. проснувшись, он продолжал повторять ей: «Я тебя люблю, я тебя люблю, я вечно буду любить тебя...» Бай Тяньмэй от счастья плакала, стыдясь и закрывая лицо, потом крепко прижала Дачэна к своей груди,

стала его успокаивать: «Погоди, когда поправишься. Сначала тебе надо поправиться. И не пугай меня больше, великий ты наш, наш папа Дачэн!»

Дачэн провел кончиком пальца по щеке Тяньмэй, стирая катившуюся слезу, и тоже заплакал. Каким же счастливым был этот плач!

Часть вторая

Глава 7. Необъяснимые приступы ностальгии

Нет на свете ничего невозможного, когда поставил себе цель. Что было в голове у Тяньмэй, до конца не понимал даже Дачэн. К тому же то, что она раньше все отмалчивалась и, как казалось, и двух слов не могла связать, относилось только к Дачэну. Очень ей хотелось, чтобы Дачэн ее уважал, любил, высоко ценил, вот почему она при нем была скованной и все время молчала. А на самом-то деле говорить она ой как умела, причем по-всякому: как возчик с лошадыю, как торговцы на базаре, могла и вежливо-уважительно, и бойко-напористо, могла поболтать обо всем на свете: от южных гор до северных морей, умела каждую косточку перемыть, посплетничать, посудачить, прищучить, отматерить и одним только словечком точно в глаз угодить... Она умеет, когда чего хочет добиться, а когда не хочет, так от всего может отбиться, ей в руки если попало, то не упустит, в дверь ли, в окно ли, но доберется, всегда рада заполучить и с неохотою расстанется.

В один миг она нашла компаньонов, с одобрения Дачэна под залог права постоянного проживания получила кредит

от банка и добилась обещаний, что будет помогать родня по материнской линии. К тому же Дачэна – поскольку был в моменте творческого подъема после поездки в Пекин – местная литературная ассоциация Н-ска определила заведовать творческой мастерской литературной ассоциации и выделила ему в многоквартирном доме трехкомнатную квартиру: две спальни и гостиная. Полезная площадь целых восемьдесят пять метров, с водопроводом, электричеством, отоплением, а в кухне газовая печь на пропане и в туалете ватер-клозет. Очень хороший залог под кредит получился.

В том же многоквартирном доме Тяньмэй арендовала две пустовавшие полуподвальные комнаты, побелила их и привела в порядок, развесила лампы, украшения, картинки с заморскими видами, фотографии звезд кино: Лю Сяоцин, Джоан Чэнь, Чжан Юй, Го Кайминь и еще более ранних – Чжоу Сюань и Ли Лихуа, не забыла даже Ямагути Есико, известную в Китае как Ли Сянлань.

В комнатах она поставила квадратные столики, круглые стульчики, колонки, телевизор – все как полагается. Ровно тридцать первого декабря 1979 года по новому календарю, под созвездием Козерога, – а по традиционному китайскому летоисчислению был год *цзивэй* под знаком Козы – ее клуб настольных игр и чайная с названием «Ностальгия» торжественно распахнула свои двери.

Взрывались хлопушки и трещали петарды, чай и сигареты ждали гостей, винные ароматы витали в воздухе. Выразить

свое самое дружеское расположение «хозяйке заведения госпоже Бай» и ее мужу столько пришло любителей и ценителей закусок, выпивки, легкой приятной беседы, столько заметных представителей местного общества, деятелей культуры и литературы, что и не сосчитать! Звонкие кантонские народные мелодии – «С каждым шагом все выше и выше» и «Разноцветные облака озаряет луна» – сменяли модные песни в исполнении Дэн Лицзюнь: «Ты сладкая как мед» и «В нашем маленьком городке». Были новые для Н-ска звуки, новые краски, новые ощущения. Повсюду цветы – живые и бумажные, – повсюду каллиграфические поздравления и пожелания в рамках под стеклом. А еще имелись шахматные фигурки из красивейшего *хотанского*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.